

От обладательницы премии Майкла Принца за лучший роман

НЕЖНАЯ ВОЙНА

Джуди Берри

ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАВАЙ ЛЮБИТЬ...

Джулия Берри

Нежная война

Серия «Young Adult. Бестселлеры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43663703

Нежная война: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-105233-1

Аннотация

Эта книга – гимн любви, над которой не властна ни война, ни время – две самые сокрушительные силы на земле.

Две истории любви, рассказанные самой Афродитой, перенесут вас во времена Первой мировой войны.

Война стала причиной, по которой они встретились. Она же их и разлучила.

Хейзел и Джеймс познакомились на приходских танцах, а затем юношу отправили на Западный фронт. Девушка всегда мечтала поступить в консерваторию и стать профессиональной пианисткой, но бесстрашно последовала за возлюбленным туда, откуда не возвращаются.

Родные и близкие Колетт погибли. Над Обри нависла угроза пострашнее непрерывных бомбежек. Когда весь мир отвернулся от них, любовь послужила молодым людям утешением, но война не знает жалости и сострадания, сметая все на своем пути.

«Этот удивительный, шикарно написанный роман не оставит вас равнодушными и напомнит, что ни одна опасность не в силах закрыть наши сердца для любви».

Нэнси Уэрлин, автор бестселлеров New York Times

Содержание

Увертюра	8
Декабрь 1942	8
Декабрь 1942	12
Декабрь 1942	18
Акт первый	27
Афродита	27
Афродита	32
Афродита	43
Афродита	45
Афродита	48
Афродита	50
Декабрь 1942	51
Афродита	53
Афродита	54
Афродита	55
Афродита	61
Декабрь 1942	64
Афродита	66
Афродита	71
Афродита	74
Декабрь 1942	79
Аполлон	84
Аполлон	89

Декабрь 1942	95
Афродита	96
Афродита	105
Афродита	112
Афродита	114
Антракт	118
Акт второй	126
Аполлон	126
Афродита	130
Декабрь 1942	138
Арес	140
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Джули Берри

Нежная война

Моим бабушкам:

Сирене Дэвисон Кейт и Эдит Дадли Гарднер

*Кендре Левин, которая всегда будет мне дорога;
и Филу*

*Только достигла обидная весть до Гефестова
слуха,*

*Мицение в сердце замыслив, он в кузнице плаху
поставил,*

*Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не
разрывных*

*Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя
Арею*

*Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе
стояло.*

*Там он, сетями своими опутав подножье
кровати,*

Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;

Мало-помалу и он и она усыпились.

*Вдруг сети Хитрой Гефеста работы, упав, их
схватили с такою*

*Силой, что не было средства ни встать им, ни
тронуться членом;*

*Скоро они убедились, что бегство для них
невозможно...*

Из «Одиссеи» Гомера, пер. В. А. Жуковского

Julie Berry

LOVELY WAR

Copyright © 2019 by Julie Berry

© Артемова М.В., перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Увертюра

Декабрь 1942 Я Слышу Рапсодию

Ранний вечер в лобби роскошного отеля на Манхэттене. Хрустальные призмы, покачивающиеся на люстрах, излучают мягкий электрический свет. На бархатных диванах возле камина сидят гости: мужчины одеты в офицерскую форму, а их дамы в вечерних нарядах склонили головы на плечи своим кавалерам. Официанты ведут пары к мягко освещенным столикам, скрытым за мраморными копиями греческих бюстов и раскидистыми листьями папоротника, где поцелуи останутся незамеченными. Оркестр постепенно разогревается, а затем слышатся первые ноты песни «Я Слышу Рапсодию». Певица наполняет зал своим глубоким, медовым голосом.

Конечно, она не Дина Шор, но тоже по-своему талантлива. Мужчина и женщина заходят в лобби и подходят к стойке администрации. Все глаза внимательно следят, как они ступают по мягким персидским коврам.

Мужчину отличает высокий рост, на удивление крепкое телосложение и массивная челюсть, а верхнюю часть лица

скрывает шляпа, надвинутая почти до бровей. Когда он тянется за бумажником к внутреннему карману двубортного полосатого пиджака, клерк за стойкой непроизвольно вздрагивает от промелькнувшей в голове мысли: вдруг он собирается достать пистолет? Его черно-белые броги¹ выглядят отнюдь не элегантно – скорее опасно. В его присутствии одни мужчины начинают злиться, а другие нервничать. Он относится к тем людям, которые с легкостью раздавят кого угодно каблуком ботинка и не почувствуют ни единого укола совести. Но, господа, как же он хорош, а его спутница еще примечательнее. На ней темно-синий костюм с поясом, который сидит на ней, словно вторая кожа. Ее фигура сразу дает другим женщинам понять: у них нет ни единого шанса. Она преступно красива: от темных волнистых волос, убранных под аккуратную шляпку, и больших глаз с длинными ресницами, сверкающих из-под темной вуали, до стрелок на ее шелковых чулках, исчезающих в итальянских кожаных лодочках на каблуке. Невозможный идеал. Запах ее духов мягко разносится по лобби. Все присутствующие, мужчины и женщины, непроизвольно и без сопротивления подчиняются ей. Высокий мужчина понимает, какое действие она оказывает на окружающих, и это его явно раздражает. Он сует пачку денег под нос испуганному клерку и выхватывает из его слегка дрожащей руки ключи от номера.

Пока они идут через лобби, мужчина то и дело подгоняет

¹ Броги – туфли или ботинки с декоративной перфорацией.

свою спутницу, которая идет так медленно и манерно, словно она изобрела искусство ходьбы. У них нет багажа, но сутулый коридорный все равно поднимается за ними по лестнице. Тяжелый взгляд высокого мужчины напугал бы кого угодно, но парнишка беспечно продолжает болтать, перепрыгивая через ступеньки. Они не отвечают и, кажется, вообще не прислушиваются к его словам, но коридорному не привыкать к такому отношению. Добравшись до номера, мужчина торопливо открывает дверь, но настырный коридорный заходит следом и начинает быстро щелкать выключателем.

– Должно быть, лампочка перегорела, – извиняющимся тоном говорит он. – Сейчас вернусь и все починю.

– Не нужно, – отвечает мужчина.

– Бутылочку шампанского? – предлагает коридорный.

– Выметайся, – рычит мужчина и, вслед за своей спутницей, исчезает в узком коридоре между гардеробом и ванной.

– Как хотите, – пожимает плечами коридорный.

Они слышат, как открывается и закрывается входная дверь. В тот же момент они оказываются в объятиях друг друга. Туфли и шляпы летят в разные стороны. Пуговицы чудом переживают безжалостные попытки расстегнуть пиджак. Многие люди предпочли бы опасаться этого мужчину и позавидовали бы этой женщине, но никто не стал бы спорить с тем, насколько прекрасно слияние этих двух совершенств. Миллионы поцелуев случаются каждый день даже в таком одиноком мире, как наш, но этот поцелуй останется

в веках. Яростный, словно сражение, и податливый, точно расплавленный воск.

Мужчина и женщина совершенно потерялись в этом невероятном ощущении, как вдруг их накрыло холодной металлической сетью, и в номере резко включился свет.

– Добрый вечер, Афродита, – звучит голос сутулого коридорного.

Декабрь 1942

Золотая Сеть

У растерянных пленников помятый и нелепый вид: они похожи на грабителей, натянувших на головы капроновые чулки. Золотые ячейки сети, гибкие и полупрозрачные, давят на них с тяжестью якорной цепи. Это результат тонкой работы, искусной и коварной, но ни один из богов не в состоянии оценить работу мастера. Любовник Афродиты пытается разорвать блестящую сеть сильными пальцами, но она не поддается.

– Я насажу тебя на меч, брат, – рычит он. – Раздавлю твой череп, как скорлупу.

Услышав его низкий, наполненный злобой голос, любой убежал бы в страхе, но только не Гефест. Он не боится этого высокого, сильного бога.

– Не трать на него силы, Арес, – вздыхает прекрасная Афродита и бросает испепеляющий взгляд на своего мужа, одетого в гостиничную форму. – И кстати для такого дорогого отеля здесь просто отвратительный сервис.

Гефест – бог огня, вулканов и кузнечного дела – не обращает на ее издевку никакого внимания. Он неторопливо опускается в кресло и вытягивает свои уродливые, искривленные ноги, а затем обращается к богу войны, который и в самом деле приходится ему братом. Они оба – сыновья Ге-

ры.

– Сейчас достойный сервис днем с огнем не сыщешь, а все из-за твоей последней войны. Все хорошие работники сражаются на чужой земле.

– Там им и место, – Арес снова сотрясает золотую сеть и пытается призвать оружие прямо из воздуха. Обычно это выходит без особых усилий.

– Это бессмысленно, – замечает Гефест. – Сейчас у тебя не больше сил, чем у простого смертного. Моя сеть не даст тебе выбраться.

Афродита – богиня страсти – отворачивается от своего мужа, и он ловит ее взгляд в вытянутом зеркале с позолоченной рамой.

– Ты мне отвратителен, – говорит она его отражению. – Ревнивый, угодливый пес.

– Ревнивый? – Гефест изображает удивление. – Кто, я? С такой-то преданной и верной женой?

Если его слова и задевают Афродиту, она не подает вида. Богиня набрасывает на плечи свой синий пиджак и завязывает на шее тонкий шелковый шарфик.

– Что ж, ты нас поймал, – обращается она к Гефесту. – Мы запутались в твоей сети, как две рыбы. Что ты собираешься с нами делать?

– Я уже все сделал, – отвечает он. – По крайней мере, первую часть. Теперь вы под арестом.

Арес и Афродита смотрят на него так, словно он сошел с

ума. От Гефеста можно ожидать чего угодно.

– Второй шаг: предложить тебе сделку и позволить признать вину.

Афродита поднимает одну бровь.

– Предложить мне что?

– Сделку, – повторяет он. – Отрекись от этого толстолобого болвана и возвращайся домой. Будь мне верной женой, и я тебе все прощу.

Секундная стрелка каминных часов успевает щелкнуть два или три раза, прежде чем Афродита начинает сдавленно хихикать. Арес, с волнением ожидающий ее ответа, тоже разражается хохотом. Такой большой и такой громкий: он чувствует облегчение и не может этого скрыть.

– Ты думаешь, она бросит меня ради тебя? – Он напрягает свои внушительные мышцы. Они скользят под его сияющей кожей, словно дельфины. Один вид его тела производит на людей неизгладимое впечатление.

Гефест чувствует, как уверенность покидает его, но он зашел слишком далеко и теперь будет придерживаться своего плана, что бы ни случилось.

– Ты отказываешься от моего предложения? – говорит он. – Тогда тебя будут судить на Олимпе.

Золотая сеть, накрывшая их, как тяжелое покрывало, затягивается на концах и тянется вверх. Арес и Афродита словно попали в мешок для грязного белья, и их божественные тела изгибаются совершенного неприглядным образом.

Сеть поднимается в воздух и кружится вокруг своей оси, как окорок, подрумянивающийся на костре.

– Что ты делаешь? – кричит Афродита. – Немедленно верни нас на землю.

– Ваше судебное заседание переходит на другой уровень, – отвечает бог в униформе коридорного. – Отец Зевс будет судьей, а другие боги – присяжными.

Лицо богини красоты приобретает нежно-зеленый оттенок. Подумать только, весь пантеон бессмертных будет наблюдать за ее унижением. Нет ничего безжалостнее злых насмешек богов, и она, как богиня, прекрасно это понимает. К тому же никто не знает ее слабые места лучше, чем сестры. Эти чопорные маленькие девственницы, Артемида и Афина, всегда самодовольно смотрят на нее сверху вниз, с вершины своих моральных устоев. Может, она и болтается в воздухе, пойманная в мешок, как цыпленок, но у нее все еще осталось немного гордости. Лучше вести переговоры с мужем в этом роскошном отеле на Манхэттене, чем дрожать от страха на глазах у всей ее семьи.

– Гефест, – мягко говорит она. Афродита умеет говорить бархатным, нежным голосом, когда ей это нужно. – Может быть, у нас есть третий вариант? – Она видит, что муж готов ее выслушать, и продолжает немного напористее. – Мы втроем можем обсудить все прямо здесь, – она толкает Ареса локтем. – Мы останемся в сети и выслушаем тебя. Арес будет хорошо себя вести. Я уверена, что не стоит выставять

наши личные дела на всеобщее обозрение.

Гефест колеблется. «Личные дела» – территория Афродиты. В гостиничном номере она чувствует себя, как дома. Он подозревает, что его заманивают в ловушку, но жена в чем-то права. Отправившись на божественный суд и выставив на показ свою семейную жизнь, ему тоже придется поступиться гордостью.

– Давай проясним, – медленно выговаривает он. – Ты отказываешься от суда присяжных?

– Да ладно тебе, – говорит Арес. – Ты кузнец, Аид тебя побери, а не адвокат.

Гефест поворачивается к своей жене.

– Хорошо, – наконец соглашается он. – Можем обсудить все здесь. Устроим частный суд, и я буду судьей.

– Судья, присяжный и палач? – возмущается Арес. – Это называется самосуд.

Гефест вдруг пожалел, что у него нет судебного пристава, чтобы тот ударил этого буйного обвиняемого дубинкой по голове. Хотя, пожалуй, это не совсем то, чем должен заниматься судебный пристав.

– Не обращай на него внимания, – успокаивает мужа Афродита. – Ты уже и так нас осуждаешь, так что можешь быть судьей, если тебе хочется.

Арес громко смеется.

– Послушай, старик, – говорит он. – Давай подеремся за нее, и пусть лучший бог победит.

Даже божественный разум Гефеста не может сосчитать, как много раз он представлял себе такое развитие событий. Сколько изощренного и хитроумного оружия он изобрел, мечтая, как однажды поставит на место своего дерзкого брата. Но это были пустые надежды: никто не может принять вызов бога войны. Гефест – далеко не дурак. Конечно, не считая тех случаев, когда дело касается его жены. Он создает для себя из воздуха судейский стол и молоток.

– Призываю всех к порядку, – произносит бог огня. – Да начнется суд.

Декабрь 1942

Суд на Манхэттене

Гефест опускает золотую сеть обратно на диван и расширяет ее, позволяя своим пленникам устроиться поудобнее. Теперь они могут сесть и даже встать, но сеть все равно не позволит им далеко уйти.

– Богиня, – обращается он. – В деле Гефеста против Афродиты вы обвиняетесь в супружеской неверности. Что вы на это скажете?

Несколько секунд Афродита обдумывает свой ответ.

– Что я нахожу все это крайне забавным.

Арес фыркает от смеха.

– Я обвиняю вас в неуважении к суду, – объявляет Гефест. – Что вы скажете в свою защиту?

– По какому из обвинений? – уточняет богиня. – Неверность или неуважение?

Ноздри Гефеста гневно раздуваются. Суд только начался, но уже превратился в нелепый фарс.

– По обоим.

– Ах, – говорит она. – Я повинна и в том, и в другом.

Гефест выдерживает длинную паузу.

– Ты признаешь себя виновной?

Она кивает.

– Ох, – бог огня не ожидал такого поворота событий. Все

умные речи и хлесткие замечания, которые он подготовил, покинули его, словно предатели.

– Я тебя разочаровала, – в голосе Афродиты звучит сочувствие, в искренности которого не посмел бы усомниться ни один человек. – Тебе станет легче, если ты представишь нам свои доказательства?

Кто кем манипулирует? Она не напугана. Никакие доказательства не имеют для нее значения, но Гефест потратил не один месяц, чтобы их собрать, поэтому он все равно показывает свои находки суду. Свет тускнеет, и в воздухе перед ними возникает ряд изображений. Богиня любви и бог войны целуются в тени беседки. На заснеженной вершине вулкана Попокатепетль, утопающей в алых лучах заката. Держат друг друга в объятиях рядом со статуей на острове Пасхи и на белом песке греческого острова Закинф.

– Гермес, – бормочет помрачневшая Афродита. – И зачем только Зевс дал ему фотоаппарат?

Если Гефест и надеялся, что его жена сгорит от стыда, увидев его неопровержимые доказательства, то его ждало только разочарование. Она бесстыдна. Его брат – тоже. Было глупо надеяться, что ему удастся побудить их к раскаянию. Изображения растворяются в воздухе, и в комнате повисает тяжелое молчание. Афродита внимательно следит за мужем, пока в его голове вихрем проносятся десятки мыслей. На что он надеялся? На слезное раскаяние? Отрицание вины? Он должен был догадаться, что это не сработает, но

отчаяние затуманило разум бога-кузнеца. Из всех живых созданий, рожденных космосом, он один не может помолиться богине любви и попросить у нее помощи в разрешении своих семейных проблем. Несчастный олух.

– Гефест, – мягко говорит Афродита. – Неужели ты устроил этот суд только для того, чтобы я призналась в том, чего не стыжусь и не отрицаю?

– Тебе стоило бы стыдиться.

– На самом деле тебя мучает совсем другой вопрос. Ты хочешь знать, почему я тебя не люблю.

– Это просто, – встречается Арес. – Она любит меня.

Судя по всему, Афродита находит его слова уморительными, и он недовольно скрещивает свои огромные руки на груди. Отсмеявшись, богиня смахивает с глаз слезинки и снова начинает говорить:

– Я не люблю ни одного из вас.

Арес резко выпрямляется и нелепо выпячивает нижнюю губу.

– Гефест, – продолжает Афродита, и он чувствует, как из судьи превращается в свидетеля на допросе. – Ты любишь меня?

Бог огня не знает, что ей ответить. Чего она добивается? Ему отчаянно хочется, чтобы его тупоголовый брат прямо сейчас провалился сквозь землю.

– Я сама отвечу на этот вопрос, – вдруг говорит она. – Конечно, ты не любишь меня.

– Я... Это... – запинаясь Гефест. – Я пришел сюда, потому что хочу...

– Никто не может меня любить, – перебивает Афродита. – Никто.

– О чем ты говоришь?

– Это цена, которую должна платить богиня любви.

Низкий голос Ареса нарушает тишину.

– Что за чушь, – говорит он. – Отец Зевс заставил тебя выйти за него замуж только потому, что другие боги готовы были поубивать друг друга за твою руку. Он свел вас вместе, чтобы избежать гражданской войны. Все мы хотели тебя.

Она пожимает плечами.

– Я знаю, что вы все хотели меня, – скромность никогда не была ее отличительной чертой, но скромного бога вообще сложно найти. – Я – источник любви, но никто никогда не полюбит меня по-настоящему. Я наполняю все живое страстью, но сама никогда не познаю настоящую страсть.

Арес раздраженно скидывает руки.

– Ты сошла с ума! Ты читала Гомера? Или Гесиода?

– Богиня, – тихо говорит Гефест. – Что ты хочешь сказать?

Она не сводит с него долгого пронзительного взгляда, от которого кузнец невольно съеживается.

– Вы – боги-мужчины – просто алчные свиньи, – непреклонно заявляет Афродита. – Надо отдать тебе должное, муж мой: ты не так ужасен, как остальные. Вы вечно хвастаетесь своими достижениями. В ваших сердцах не больше любви,

чем в чугунной наковальне. Непостоянные, своенравные и эгоистичные. Вы не способны любить, точно так же, как не способны умереть.

– Мы эгоистичные? – возмущается Арес. – Ты и сама – далеко не Флоренс Найтингейл².

– Ты меня не знаешь, – отвечает она. – Как не знаешь и о моих добрых делах. Я понимаю, что ты думаешь о моих «глупых романах», – богиня повернулась к Гефесту. – Я могу найти смертного, который влюбится в меня, но это будет преклонение, а не любовь. Я идеальна, а смертные не могут искренне любить идеал. В конце концов, человеческие иллюзии рушатся, и это их уничтожает.

Гефест смотрит на нее, абсолютно сбитый с толку. У Афродиты нет никого, кто бы ее любил? У него, бога огня и кузнецов, всегда достаточно руды и горючего. Арес – бог войны – наслаждался кровопролитными сражениями, как никто другой за всю историю человечества. У Артемиды никогда не заканчивались олени для охоты. В морях и океанах полно соленой воды для Посейдона. А его жена – прекрасная богиня любви – одинока?

– Ты знаешь, каково это? – говорит Афродита. – Провести вечность, принимая участие в каждой истории любви: мимолетной и бессмертной, банальной и великой. Я погрязла в любви с головой и рисую оттенками страсти, как художник

² Флоренс Найтингейл – сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании.

красками. Я все это чувствую. — Она обняла себя руками, как будто в комнате вдруг стало холодно. — Я завидую смертным. Они слабые, и страдания оставляют в их душах незаживающие раны, но именно поэтому они способны любить. — Богиня качает головой. — Нам ничего не нужно. А они нуждаются друг в друге, и в этом их счастье.

— Да, но они умирают, — замечает Арес.

— Почему ты никогда не говорила этого раньше? — спрашивает Гефест.

— А зачем? — хмурится Афродита. — Какое тебе дело? Ты думаешь, что моя работа — сплошные глупости. Ты даже не выходишь из своей кузни.

Она права. Правда, он не считает ее работу глупостью, по крайней мере, не совсем. Просто она кажется богу огня незначительной. Железо — вот что по-настоящему прочно. Железо и камень. Но человеческая привязанность? Гефест — и это подтвердит любой, кто изучает историю Древней Греции, — не вчера родился.

Афродита все еще ежится от холода, хотя, по природе своей, не может его чувствовать. Гефест дует на огонь, и тот разгорается с новой силой, стремясь вырваться из-за каминной решетки. Языки пламени отбрасывают на лицо Афродиты яркие блики, и она склоняет голову набок.

— Хочешь увидеть настоящую любовь?

Гефест поднимает взгляд и видит, как блестят ее глаза.

— Хочешь услышать о моих лучших произведениях?

– Да, – отвечает Гефест и сам удивляется своим словам. – Хочу.

С другой стороны дивана слышится недовольное рычание, но богиня не обращает на Войну внимания.

– Я расскажу тебе историю об обычном юноше и обычной девушке. Настоящую историю. Нет, даже лучше. Две истории.

Арес поднимает голову.

– Мы уже знаем эти истории?

– Вряд ли, – отвечает она. – Ты никогда не обращаешь внимания на девушек.

– Не соглашусь, – усмехается он.

– Я говорю не об их телах, – Афродита закатывает глаза. – Тебя совершенно не интересуют их жизни.

– Уф, – бог войны снова откидывает голову на бархатную спинку. – Я сразу понял, что это будет скучно.

Глаза Афродиты вспыхивают.

– В моих историях найдется кое-что интересное и для тебя. Например, солдаты Великой войны. Первой мировой войны. Ты сразу узнаешь их имена и звания и, может, даже вспомнишь какие-то отрывки из их жизней.

Афродита мрачно смотрит в окно на вечернее небо. Освещение Большого Яблока потускнело, на случай, если откуда ни возмись появятся бомбардировщики Люфтваффе, но даже мировая война не может окончательно погасить огни города, который никогда не спит.

Арес смотрит на прелестное лицо Афродиты и на нелепые черты Гефеста. В который раз бог войны спрашивает себя, чего хотел добиться Зевс, связывая этих двоих узами брака. Настоящее проклятие – быть привязанной к этому чудовищу! Особенно для кого-то столь прекрасного, как она. И почему внутри у Ареса все клокочет от ревности? Даже сейчас, когда кузнеца и богиню разделяет золотая сеть, между ними остается незримая связь, которую он не может отвоевать или уничтожить. Это кажется невероятным, но Гефеста и Афродиту связывает серебряная нить, и из-за нее прекрасная богиня никогда не будет полностью принадлежать Аресу. Но чего он хотел? В конце концов, они женаты.

– Богиня, – Афродита встречается взглядом со своим мужем, и он указывает на нее судейским молоточком. – Можешь предоставить нам свои доказательства, – когда она наклоняет голову, он незаметно улыбается в усы. – Рассказывай свою историю.

Арес закатывает глаза.

– О, боги, – стонет он. – Принесите горячие клещи, раскаленное клеймо! Что угодно, только не история любви!

Афродита бросает на него раздраженный взгляд.

– Она вечно болтает, – говорит Арес. – Рассказывает мне о каких-то идиотских романтических посланиях, случайных поцелуях, и как долго они длились, и, во имя волос Медузы, во что влюбленные были одеты.

– Богиня? – обращается Гефест к своей жене.

– М-м-м?

– Расскажи мне обо всем, – просит бог огня. – Пусть твоя история будет долгой.

Акт первый

Афродита Хейзел – 23 ноября, 1917

Я впервые увидела Хейзел в Лондоне, в районе Поплар, на приходских танцах церкви Святого Матфея. Это было в ноябре 1917 года.

В тот год мероприятие проводилось с благотворительной целью: собрать посылку из носков и банок Боврила³ для солдат во Франции, но на самом деле это были обыкновенные танцы, которые церковь проводила каждую осень.

Пока остальные были заняты светскими беседами и флиртом, Хейзел словно приклеилась к пианино, наигрывая простые танцевальные мелодии. Пожилые дамы восторгались ее великодушием, ведь она жертвовала своим весельем ради окружающих, но Хейзел не обольщалась на этот счет. Она ненавидела выступать, но девушка скорее вогнала бы себе по спице в каждый глаз, чем стала бы заводить неловкие разговоры с молодыми людьми. Все что угодно было лучше этого,

³ Боврил – густой мясной экстракт, по составу близкий к мясу. Он содержит множество витаминов и питательных веществ, а также является визитной карточкой британской кулинарии.

даже оказаться в центре внимания, играя на пианино.

Ей казалось, что она в безопасности, но музыка влекла меня к ней, как пчелу на мед. И, как оказалось, не только меня.

Молодой мужчина наблюдал за ее игрой с другого конца зала. Он видел ее руки и сосредоточенное выражение лица. Незнакомец старался не пялиться на нее в открытую, правда, не очень успешно. В конце концов, он закрыл глаза, но его воображение продолжило рисовать высокую, прямую фигуру пианистки в бледно-лиловом кружевном платье, с темными волосами, склоненной над клавишами головой и слегка приоткрытыми губами, тихо выдыхающую в такт музыке.

О, в ту минуту, как я увидела этих двоих в одной комнате, я все поняла. Я поняла, что они могут стать моим шедевром. Не каждый день находишь два таких особенных сердца.

И вот я села рядом с Джеймсом, пока он смотрел на Хейзел, и поцеловала его в щеку. Честно говоря, в его случае, мне совсем необязательно было это делать, но у него были такие милые щечки, что я просто не удержалась. Он старательно побрился ради этих танцев, ну что за очаровашка.

Джеймс внимательно наблюдал за пианисткой, впитывая ее музыку, как сладкую воду, в которой кубиком сахара была сама Хейзел, и в какой-то момент я даже ощутила укол ревности. Ни одна из девушек, что кружились вокруг, не имела для него значения. Он был из тех аккуратных молодых людей, которые очень внимательно относятся к своей одежде,

словно их внешний вид может кого-нибудь оскорбить. Ему не стоило так переживать. Он не был красавчиком в привычном смысле этого слова, но в его темных карих глазах было что-то такое, что могло бы заставить Хейзел ненадолго забыть про Шопена. Ей стоило лишь поднять на него взгляд.

Я скользнула на скамеечку для пианино рядом с Хейзел. Она была так поглощена своей музыкой, что даже не заметила моего появления. Конечно, меня почти никто не замечает, но только совсем бессердечные не чувствуют, что вокруг повеяло каким-то новым настроением. Может, это мои духи. Может, что-то большее. Там, куда я прихожу, пахнет любовью.

Из присутствующих молодых людей лишь немногие еще не отправились на поля сражений. Большинство находились в увольнении (по медицинским причинам или просто на временном отдыхе). Все девушки, к их чести, очень внимательно отнеслись к тем, кто вернулся с ужасными травмами, заставляя раненых чувствовать себя прекрасными принцами. Некоторые парни работали на оружейных заводах. Бывало, что люди смотрели на них, как на трусов, избегающих войны, но эти девушки были приветливы и к ним. Местные барышни оказались очень практичными, предпочитая доступного кавалера далекому, фронтовому возлюбленному. Несколько особо предприимчивых дам решили подстраховаться и ухватились за обе возможности, намереваясь не упустить ни одной.

Эти юные леди были либо работницами фабрик по производству военного снаряжения, либо служанками в частных домах, хотя по возрасту им еще полагалось учиться в школе. А еще была Хейзел. Она играла как дочь герцогини, обученная лучшими репетиторами, хотя на самом деле происходила из семьи эстрадного пианиста и заводской белошвейки. Отец Хейзел стучал по клавишам в варьете все ночи напролет, чтобы свести концы с концами, но он привил дочери любовь к классике. Бетховен, и Шуберт, и Шуман, и Брамс. Она играла как ангел.

Джеймс чувствовал, как ее ангельская музыка наполнила зал.

Бедный Джеймс. Он попал в затруднительное положение. Единственная девушка, с которой он хотел бы заговорить, несла на себе ответственность за все мероприятие. Прервать ее игру было немыслимо, но по окончании танцев она сразу исчезла бы в толпе.

Хейзел дошла до рефрена, и я подняла ее подбородок навстречу внимательному взгляду Джеймса.

Она наконец-то рассмотрела его лицо, и оба пришли в такое смятение, что не могли оторваться друг от друга.

Хейзел продолжала играть, но она уже заглянула в глубину его карих глаз и теперь ощущала легкий трепет от того, что кто-то по-настоящему ее увидел.

Но музыка не ждет, поэтому она играла, не останавливаясь ни на мгновение. Хейзел больше не поднимала глаза на

Джеймса. Только после того, как произведение подошло к концу, она украдкой взглянула в его сторону, но его там уже не было. Он ушел.

Я замечаю все эмоции, которые люди пытаются скрыть от всех, даже от самих себя. Хейзел тихо выдохнула от разочарования. Ей хотелось снова поймать его взгляд, чтобы понять, неужели между ними и правда проскочила искра?

«Хейзел, дорогая, какая же ты идиотка», – сказала она самой себе.

– Прощу прощения, – произнес голос за ее спиной.

Афродита

Первый танец – 23 ноября, 1917

Повернувшись, Хейзел увидела оливковый галстук, аккуратно заправленный в серый твидовый пиджак, а чуть выше – лицо молодого человека с темно-карими глазами.

– Ох, – выдохнула Хейзел и быстро встала со своего места.

– Привет, – сказал он очень серьезным тоном, как будто за что-то извинялся. Его лицо выражало какую-то официальную торжественность. У него была тонкая фигура, начищенные до блеска туфли и отглаженная рубашка. Хейзел опустила голову, дожидаясь, пока с ее лица сбежит краска смущения. Скрывались ли за этими туфлями такие же ноги, как у ее отца: покрытые темными волосами? «Глупая, глупая мысль!»

– Простите, – сказал молодой человек. – Я не хотел вас напугать.

– Все в порядке, – ответила Хейзел. – Я ни капли не испугалась.

Неправда.

Нос девушки защищало от запаха лавровишневой воды после бритья и чистой, выглаженной одежды. У юноши были впалые, гладкие щеки, и Хейзел вдруг захотелось коснуться его лица. Она так испугалась этого порыва, что уже приготовилась бежать к выходу.

– Я хотел сказать, – начал молодой человек, – что мне очень понравилась ваша игра.

Наконец-то Хейзел могла следовать заученному сценарию. Родители научили ее, как отвечать на комплименты после сольных выступлений.

– Спасибо большое, – сказала она. – Вы очень добры.

Это был механический ответ, заученный наизусть, и юноша это понял. По его лицу пробежала тень. Бедняга. У него был всего один шанс поговорить с ней, и всего одна вещь, которую стоило бы сказать: как он влюбился в ее музыку, как она унесла его далеко-далеко из этого места, из этого вечера, всего за неделю до того, как он отправится на Западный фронт, где молодые мужчины, такие же, как он, погибают целыми отрядами, и что она подарила ему возможность отделиться от реальности своей искренней и всепоглощающей игрой. Но правила приличия позволили сказать лишь то, что ему понравилось ее исполнение, и он от всей души надеялся, что девушка почувствует, какую мысль он так отчаянно хотел донести.

А теперь на него смотрели ее большие и глубокие глаза, обрамленные длинными, темными ресницами.

Бедный Джеймс.

Хейзел поняла, что он хотел сказать. Она проглотила свой страх и посмотрела ему в глаза.

– Правда, – сказала она. – Спасибо.

Тень исчезла с его лица.

– Меня зовут Джеймс. – Он протянул ей руку.

Она пожала его теплую и сухую ладонь, чувствуя неловкость за свои грубые, жесткие пальцы пианистки. К слову, Джеймс описал бы ее руки совсем иначе.

– А как ваше имя? – он улыбнулся, и я сама чуть не упала в обморок, не говоря уже о Хейзел.

Она покраснела. Если бы в тот момент ее щеки разгорячились еще чуть больше, она, наверное, взорвалась бы.

– Я Хейзел, – ответила она. – Хейзел Виндикотт.

– Приятно познакомиться, мисс Виндикотт, – Джеймс выгравировал ее имя в хранилище своей памяти. Хейзел Виндикотт. Хейзел Виндикотт.

– Взаимно, мистер Джеймс, – сказала пианистка.

Он снова улыбнулся, и на его щеках появились ямочки.

– Можете называть меня просто Джеймс. Моя фамилия – Олдридж.

Тучная дама, которая и организовала это мероприятие – Луиза Прентисс – подошла, чтобы возмутиться, почему остановилась музыка. Женщина преклонного возраста, моя любимица по имени Мэйбл Кибби, тут же появилась из ниоткуда, как суслик из норы.

– Мисс Виндикотт усердно трудилась весь вечер, – сказала она. – Наверняка ей нужно передохнуть. Я могу ненадолго ее заменить. Думаю, я знаю пару мелодий, которые понравятся молодежи.

Прежде чем Хейзел смогла возразить, Мэйбл Кибби от-

теснила ее от пианино и подтолкнула к Джеймсу со словами:
– Иди потанцуй.

В мгновение ока Джеймс отвел девушку к танцевальной площадке и предложил ей руку. Завороженная его ямочками на щеках и румянцем, Хейзел вложила левую ладонь в руку молодого человека, а правую опустила ему на плечо.

Мэйбл Кибби начала с медленного вальса. Джеймс прижал Хейзел к себе, насколько он мог осмелиться.

– Боюсь, я не умею танцевать, – призналась Хейзел. – Поэтому я предпочитаю всегда сидеть за пианино.

Джеймс тут же остановился.

– Вы не хотите танцевать?

Хейзел сосредоточилась на его галстук.

– Нет, почему же. Только не смейтесь надо мной.

– Я бы не стал, – серьезно ответил он и вновь начал двигаться в такт музыке.

– Даже если я споткнусь и упаду? – Она надеялась, что это прозвучит как шутка.

Он едва заметно напряг руку, поддерживающую ее за спину.

– Я не позволю вам упасть.

И он сдержал слово.

На самом деле Джеймс был хорошим танцором, не особо эффектным, но грациозным. Хейзел почти никогда не танцевала, но музыкальный слух позволял ей не сбиваться с ритма. Джеймс вел девушку, и ей оставалось только следовать

его движениям.

Я села рядом с Мейбл Кибби и просто наблюдала за ними. Этот танец мог стать началом или концом: все зависело от тысячи мелких деталей. Заговорят ли они друг с другом? Вдруг кто-то скажет слишком много? Или ляпнет какую-то глупость? Стоит ли мне вмешаться?

– У них все получится, – вдруг сказала Мейбл Кибби, бросив на меня короткий взгляд.

– Ох, Мейбл Кибби, – прошептала я. – Неужели ты меня видишь?

Она перевернула страницу с нотами.

– Я всегда тебя видела, – ответила она. – Но сегодня ты выглядишь еще лучше, чем обычно.

Я слегка приобняла ее.

– Ты очень мила.

Она задорно мне подмигнула.

– Приятно видеть, что ты все еще присматриваешь за молодыми, – сказала Мейбл. – Эта ужасная война. Они нуждаются в тебе как никогда.

– Не только за молодыми, – я кивнула в сторону бодрого пожилого джентльмена в другом конце зала. – Не хочешь, чтобы я представила тебя кое-кому?

Мейбл засмеялась.

– Нет, благодарю, – вздохнула она. – Хватит на мой век романов.

В тот момент мы обе увидели потускневшую свадебную

фотографию, пустое кресло и надгробную плиту.

– Кто сказал, что ты не можешь начать еще один? – спросила я.

Она дошла до рефрена и перевернула нотную страницу обратно.

– Лучше позаботься о мисс Хейзел.

Так я и сделала.

Они уже обсудили основные детали. Ей было восемнадцать. Ему – девятнадцать. Хейзел – единственный ребенок пианиста и белошвейки из района Поплар. Она окончила школу и готовилась к поступлению в музыкальную консерваторию. Джеймс родился в Челмсфорде, и у него были младшие брат и сестра: Мэгги и Бобби. Его отец работал преподавателем математики в средней школе, а сам Джеймс – в строительной фирме, хотя теперь это осталось в прошлом. Ему пришлось приехать в Лондон и остановиться у своего дяди, чтобы получить военную форму и снаряжение, прежде чем его отправят на службу во Францию.

Война.

Тебе стоило бы на это посмотреть, Арес. Прощание навсегда.

Ведь именно ты – причина, по которой все собрались на танцах в тот вечер. Война была в каждой проповеди, каждом уличном знаке, каждой новостной сводке, каждой молитве, прочитанной над безвкусным и скудным солдатским пайком.

И так из простого парня Джеймс превратился в патриота

и героя, готового служить богу, королю и стране.

А Хейзел из незнакомки за пианино превратилась в причину того, почему эта война вообще имела смысл, в символ всего чистого и прекрасного, за который стоило умереть.

Когда я отыскиала их глазами, они склонились друг к другу, как две плачущие горлицы⁴.

Джеймс был крайне вежливым юношей, и не посмел бы прижать Хейзел слишком близко к себе во время первого танца, но это еще не значило, что ему не хотелось. Сама Хейзел так расслабилась в руках этого красивого молодого человека, где ей было так тепло и спокойно, что к концу песни уже прижималась лбом к его щеке, сама того не осознавая. Эту же щеку она хотела погладить всего несколько минут назад, и теперь в каком-то смысле добилась своего. Сперва девушка смутилась, но другие танцоры аплодировали, а Джеймс убаюкивал ее в своих объятиях, и она поняла, что может не извиняться.

Луиза Прентисс начала объявлять благодарности всем, кто принял участие в организации вечера, но Мейбл Кибби, весело мне подмигнув, прервала ее речь новой мелодией, еще более чувственной, чем предыдущая. Пока остальные танцоры бросились искать себе партнеров, Хейзел и Джеймс так и остались вместе, не отпуская рук.

Если бы я не смогла связать этих двоих к концу второго

⁴ Плачущая горлица – птица отряда голубеобразных, семейства голубиных, которая получила такое название за свои скорбные, траурные песни.

танца, Зевс был бы волен сделать Посейдона богом любви, а я бы отправилась присматривать за рыбами.

Я могла бы наблюдать за ними целую вечность. К тому моменту не только мои глаза пристально следили за тем, как Хейзел Виндикотт, известная в приходе за скромность и игру на пианино, танцует с молодым высоким незнакомцем. Когда песня закончилась, девушка открыла глаза и увидела лицо Джеймса и лица других прихожан, которые шептались и переглядывались между собой.

– Мне пора идти, – сказала Хейзел, отстраняясь. – Люди скажут...

Ее накрыла волна стыда. Как она могла прервать этот особенный момент из-за страха перед окружающими?

Он ждал, открыто и спокойно, без капли подозрений. В конце концов, она ничего не должна этим людям.

– Спасибо, – выдохнула девушка. – Я прекрасно провела время.

Она смущенно подняла голову и посмотрела в его темно-карие глаза. «Ты замечательная», – говорили они.

«Как и ты», – ответили ее глаза с длинными ресницами.

– Мисс Виндикотт, – начал он.

– Зовите меня Хейзел, – сказала она с легким волнением. Не слишком ли это дерзко с ее стороны?

На его щеках вновь появились ямочки, и она готова была растаять. Другие люди не имели значения. Пусть себе сплетничают.

– Мисс Хейзел Виндикотт, – сказал Джеймс. – Через неделю я отправляюсь на службу.

Она кивнула.

– Я знаю.

Он уже говорил ей, и это была ужасная новость. Некоторые знакомые Хейзел уже погибли на войне.

Джеймс сделал шаг к ней.

– Мы можем увидеться еще раз, до того, как я уеду?

Она поразмыслила над этим скандальным предложением. Такое поведение не было в порядке вещей. Знакомство и общение должно происходить в присутствии какой-нибудь пожилой леди, которая будет строго следить за тем, чтобы все оставалось в рамках пристойности. Каждый шаг, каждое слово должно быть одобрено родителями. Крупные дамы рассекали воды церковного социального океана, как военные линкоры, выискивая неподобающие объятия и тайные поцелуи. Война ослабила строгость общественных нравов, но лишь немного.

Джеймс заметно стушевался. Он сказал слишком много. Все шло слишком быстро. От этих мыслей его затошнило, но разве у юноши был выбор? У него оставался всего один шанс узнать Хейзел Виндикотт, девушку за пианино.

– Вы позволите? – снова спросил он.

В дверях появился отец Хейзел.

– Когда? – спросила она.

Он улыбнулся.

– Как можно скорее.

– Надолго? – спросила Хейзел.

– Сколько вы разрешите.

Наступил момент, когда Хейзел должна была вежливо отказать, придумать оправдание, поблагодарить его за служение короне и бежать подальше от этого обреченного мальчика. Ей стоило бы сказать «нет».

– Я не против.

Она впервые улыбнулась ему. Бедное сердце Джеймса могло бы остановиться прямо в этот момент, если бы он не был молодым и здоровым.

Хейзел продиктовала юноше свой адрес. Убедившись, что на них больше никто не смотрит, а ее отец разговорился с кем-то из прихожан, она поднялась на цыпочки и поцеловала Джеймса в щеку.

Джеймс Олдридж даже не подозревал, что получил уже второй подобный поцелуй за этот вечер, но прекрасно осознавал, что рискует отправиться на фронт влюбленным солдатом.

Эта мысль пугала его больше, чем все немецкие ракеты, вместе взятые. Может, ему лучше отступить? Должен ли он развеять эту фантазию и больше не искать встречи с юной пианисткой?

Музыка. Ресницы. Волосы, пахнущие сиренью. Легкое касание ее губ на его щеке.

И еще раз музыка.

То, как он должен был поступить и как ему хотелось поступить: эти два решения не имели между собой абсолютно ничего общего.

Афродита

Поцелуй (Часть I) – 23 ноября, 1917

Если тот поцелуй стал для Джеймса причиной бессонной ночи и приятного замешательства – он был не одинок. Только для Хейзел это волнение было вызвано другими причинами. Что вообще на нее нашло? Почему она поцеловала Джеймса, и что он о ней подумал? О ней, Хейзел Виндикотт, которая даже не смотрела в сторону юношей? О правильной, серьезной молодой леди, которая держала себя в рамках приличий, пока остальные девушки... чем бы они там ни занимались. Неужели Джеймс подумал, что она одна из тех, кто целует всех кавалеров при первом же знакомстве?

Она шла домой с отцом, застегнув пальто до самого подбородка. Ночь была необыкновенно холодной. Она все еще чувствовала тепло Джеймса, и как осторожно он сжимал ее ладонь во время танца. Ее тело помнило, как они двигались в такт музыке и как в конце второй песни он прижал ее чуть ближе.

– Кто-то сегодня неплохо потанцевал, а? – заметил ее отец.

Осознав, что она выдала себя, протягивая руки воображаемому Джеймсу, Хейзел страшно смутилась.

– Миссис Кибби подумала, что это пойдет мне на пользу, – сказала она.

«Решила винить во всем миссис Кибби? Трусиха!»

Ее отец – высокий мужчина с длинными руками, ногами и пальцами, чьи щеки уже были покрыты глубокими морщинами – положил руку ей на плечи.

– Миссис Кибби права, – сказал он. – Тебе нужно жить и веселиться, моя девочка, а не проводить все дни со стариками, такими, как мы с мамой.

Хейзел положила голову отцу на плечо.

– Не говори глупостей, – пожурела она. – Вы не старики.

– Скажи это Артуру.

«Артуром» ее отец называл артрит, поразивший его запястья и костяшки пальцев.

– Я серьезно, Хейзи. Ты должна проводить больше времени со своими ровесниками. Только пообещай мне, что не влюбишься в солдата. Иначе останешься с разбитым сердцем.

Девушка кивнула, стараясь не смотреть отцу в глаза. Она не могла ничего ему пообещать.

«Ради бога, – сказала она самой себе. – Ты не влюблена в этого юношу. Вы едва встретились и станцевали два танца. В любовь с первого взгляда верят только люди с ватой в голове».

Но разве не она поцеловала его в щеку?

Афродита

Поцелуй (Часть II) – 23 ноября, 1917

Почему же Хейзел поцеловала его в щеку?

Этот вопрос мучил Джеймса, пока он кружил по кварталу святого Матиаса. Вверх по бульвару Вудсток, вдоль Ост-Индской дороги, вниз по Хейл-стрит и обратно. Прохладный ветер, дующий с Темзы, приносил крики чаек и стук верфи. Впереди мелькали огни Поплара.

Это был дружелюбный жест с ее стороны? Наверняка она вкладывала в этот поцелуй такой смысл: «Не надейся на большее, странный незнакомец. Так я проявляю свою доброжелательность. Патриотическую благодарность. Вот быстрый поцелуй в щеку в качестве доказательства. Теперь прощай».

Джеймс вздохнул. Он уже слышал о таком. О девушках, которые раздавали благосклонные поцелуи солдатам на вокзалах и новобранцам на призывных пунктах.

Вот сюда. Прямо здесь, на его щеке. Он провел по этому месту пальцами.

Джеймс прошел мимо пары, целующейся в темном дверном проеме. Такое поведение точно не понравилось бы Луизе Прентисс. Это напомнило ему о той единственной улыбке, которая заиграла на губах Хейзел и заставила его размышлять о том, какого было бы их целовать?

Да что с ним не так?

Он решил, что дело в войне. Война затуманила его разум. Война практически привела весь мир на грань безумия. Торопливые военные свадьбы, осиротевшие военные дети и ежеминутные влюбленности. Дешевый, неубедительный спектакль.

Но стоило Джеймсу закрыть глаза, как в мыслях снова всплывали воспоминания о юной пианистке в его руках.

Он все еще мог видеть, как отец Хейзел помогает ей надеть пальто и уводит ее из зала. Джеймс мог бы незаметно последовать за ними, но такое поведение было не в его правилах. Это было бы совершенно неприлично.

Ее адрес. Стала бы Хейзел давать ему свой адрес, если бы ее намерения были только дружелюбными?

Проходя мимо целующейся парочки в третий раз, Джеймс решил, что пора идти домой. Он пересек Ост-Индскую дорогу и пошел по Керби-стрит, которая вела к квартире его дяди. Его взгляд скользил по театральным афишам и призывным плакатам военно-морского флота. Достигнув перекрестка Керби и Гранди, он остановился.

Хейзел говорила, что живет на углу Гранди и Байгроув. Второй этаж, над парикмахерской.

Конечно, она уже дома. Мирно спит в своей кровати. Какой вред в том, что он немного свернет с пути и прогуляется по району? Все равно он собирался подстричься. К тому же завтра он вернется для того, чтобы побриться, и заодно...

что? Постучится в ее дверь?

В голове отчаянно билось осознание того, насколько нереалистичны его мысли.

У него были чистые намерения. Он не шпионил. Ему всего лишь хотелось увидеть шторы, за которыми юная пианистка проживала свою светлую жизнь. Джеймс совершенно невинно, по-детски, представлял себе, как она спит на мягкой подушке, ее темные ресницы дрожат, длинные волосы разметались вокруг головы, а тонкие руки играют Шопена в ее снах.

Афродита

Бессонница – 23 ноября, 1917

Тем временем у Хейзел сна не было ни в одном глазу. Она переоделась в ночную сорочку, распустила волосы и села на низкий диванчик у окна ее комнаты, обняв колени, чтобы посмотреть вниз, на улицу. Этажом выше играл граммофон двух старых дев – сестер Форд, и до девушки доносились слова арии «Мое сердце открывается звуку твоего голоса». Для оперы было уже поздновато, но Хейзел не возражала.

Джеймс Олдридж. Славное имя, не каждый мог бы таким похвастаться.

Она станцевала два танца с незнакомцем и поцеловала его в щеку?

Она прижалась своей горячей щекой к холодному оконному стеклу.

Разве еще утром этого совершенно обыденного дня она могла подумать, что к вечеру ее мозги превратятся в такую кашу? Она всего лишь согласилась оказать услугу миссис Прентисс и сыграть для солдат из Попларского госпиталя, которые шли на поправку.

Джеймс Олдридж. Он должен отправляться на войну. Он пройдет необходимую подготовку, а затем – прямиком в окопы. На этом оборвется не только их короткое знакомство, но, скорее всего, и его жизнь.

Конечно, он может выжить, но его жизнь, такая, какой он ее знал, все равно закончится. На улицах Лондона нередко встречались солдаты, с почестями отпущенные из армии. Все они были страшно искалечены: одни неловко перекатывались на инвалидных креслах, прикрыв обрубки, оставшиеся вместо ног, другие заправляли рукава в карманы пиджака, чтобы спрятать отсутствие руки, а лица третьих были покрыты уродливыми шрамами в тех местах, где шрапнель разодрала кожу.

Хейзел это знала. Вся Британия знала, какую цену эти молодые мужчины платят каждый день, чтобы остановить проклятого Кайзера. Злого, глупого, мерзкого человека, чья армия хлынула на Европу, как черное наводнение.

От мыслей об этой ужасной цене, чья метка уже стояла на лице юноши с темно-кариими глазами, ее глаза наполнились слезами. Из-за этого Хейзел не увидела на углу улицы одинокую фигуру, чей взгляд был устремлен вверх, к ее окнам.

Афродита

Королевская борода – 23 ноября, 1917

Вот и она. парикмахерская. «Королевская борода». Джеймс улыбнулся. Если первый этаж был бородой, то второй – носом? Шутка была настолько плоха, что юноша тихо прыснул.

Темные окна второго этажа отражали тусклый, круглый фонарь, стоявший на углу улицы. В свете третьего этажа были видны очертания граммофона. До него доносились звуки грустной оперной арии. Меццо-сопрано. Очень романтично.

Но нигде не было и намек на Хейзел Виндикотт. Неужели она назвала неправильный адрес?

Он зашел за угол и остановился. Юная пианистка прислонилась к окну, совершенно потерянная в своих мыслях. Джеймс видел длинные волосы, упавшие ей на спину, и воротник белой сорочки.

От ее мечтательного вида ноги Джеймса как будто приросли к тротуару.

Днем вся улочка наполнялась звуками игры на пианино. Парикмахеру «Королевской бороды» очень повезло, ведь он мог слушать ее музыку целый день, щелкая своими ножницами.

«Джеймс Олдридж, – сказал он себе. – Ты только что с ней познакомился. Ты совсем ее не знаешь. И ты дурак».

Декабрь 1942

Вмешательство

– А он прав, – говорит Арес. – Эта история – скука смертная. Парень встречает девчонку, они немного танцуют и без памяти влюбляются. И что с того? Ничего не случилось.

Афродита прищуривается.

– Все случилось.

Арес закатывает глаза.

– Переходи к интересной части, – говорит он. – Расскажи про фронт. Про поле брани. Вот где случаются военные истории.

– Тебя кто-то спрашивал? – дипломатично вмешивается Гефест.

– Это не военная история, – говорит Афродита. – Это моя история, и я буду рассказывать ее так, как пожелаю.

– Продолжай – поддерживает Гефест. – Мне интересно.

– Какой ты зануда, – ворчит бог войны. – Слушай. Я знаю эту историю. – Два тепличных цветка пересеклись взглядами и бум – уже без ума друг от друга. Им кажется, что они изобрели романтические чувства, и никто до них такого не испытывал. Они молча страдают пару дней, а потом он отправляется на войну. Это ужасно: он скучает по девчонке, она скучает по нему, и я сейчас просто расплачусь – так это трогательно. Сначала они обмениваются письмами, но очень

скоро траншеи превращают его из любовничка в обыкновенного мальчика, который пытается сделать все, чтобы его лицо не сожрали крысы. Она занимается волонтерством, – Арес презрительно фыркает. – В самоотверженной попытке стать полезной своей стране и тем мальчишкам, которых отправляют на войну. Пытается внести свой жалкий вклад. Она рыдает в подушку и не понимает, почему от него больше не приходит писем. Проходит время. Они оба становятся другими людьми. Вокруг разворачивается трагедия. Они винят меня во всех своих бедах. И так далее.

Если бы Арес был смертным, взгляд Афродиты уже оставил от него лишь обугленные кости.

– Ты закончил? – спрашивает богиня любви. Арес даже не собирается ей отвечать.

– Хочешь пить, дорогая? – Гефест призывает из воздуха бокал, наполненный амброзией, который появляется прямо в руке у Афродиты. Она кажется удивленной, но все равно делает глоток.

Гефест взбивает подушку с кровати и подкладывает под свою затекшую шею.

– Я здесь не потому, что мне хочется послушать тебя, разжигатель войн, – говорит он. – Я хочу послушать свою жену. Арес смеется.

– Теперь ты учишься любви у смертных, кузнец?

– Тебе бы тоже не помешало у них поучиться, – говорит Афродита.

Афродита

Пойман с поличным – 23 ноября, 1917

Джеймсу казалось, что Хейзел его не заметила.

Но она все видела.

Не хочу хвастаться, но, возможно, я приложила к этому руку.

Вообще, я не собиралась вмешиваться, но только представьте эту сцену: пустынная улица, тусклая лампа, тени, печальная оперная ария, измятая ночная сорочка – что мне оставалось делать? Я же художница. Поэтому я направила ее взгляд вниз, на дорогу. Хейзел увидела на углу человека и отпрянула от окна. Когда он отвернулся, она присмотрелась повнимательней.

Это был Джеймс Олдридж.

Может, ей стоило возмутиться таким поведением? Но как ей могло не понравиться что-то настолько захватывающее?

Джеймс понял, что она смотрит на него, и лицо юноши словно озарилось. Он поднял руку в полуприветствии, а затем смущенно спрятал ее в кармане пальто и поспешил удалиться.

Афродита

Записка – 23 ноября, 1917

«Ты идиот, какой же ты идиот, – ругал себя Джеймс. – Подглядываешь в окна? Она должна была вызвать полицейских».

Позади него что-то скрипнуло, и он остановился.

Джеймс повернулся и увидел, как Хейзел перегнулась через подоконник, и ее длинные волосы рассыпались по плечам.

– Пссст, – позвала она и уронила что-то на дорогу. Затем она исчезла из виду, плотно закрыв окно.

Посреди уличного мусора Джеймс отыскивал белый листок бумаги, хотя отчасти надеялся на кружевной платок. Но они находились не в Камелоте, а он не был рыцарем.

Юноша подошел к одинокому фонарю и развернул листок.

Завтра, в восемь часов.

Ее почерк был прямым и уверенным, а буквы напоминали нотные линии.

В кафе Дж. Лайонза, на Крисп-стрит в Гилфорде.

Джеймс Олдридж посмотрел на темные окна и улыбнулся. Мисс Хейзел Виндикотт пропала из виду. Может, она все еще наблюдала за ним сверху? Этого он не знал.

Но я знала. И, можете быть уверены, она смотрела на него.

Афродита

Кофейня – 24 ноября, 1917

Так как кое-кому, не буду показывать пальцем, очень уж хочется узнать все в мельчайших деталях, я опишу первые волнительные часы их встречи. Опустим ту часть повествования, в которой Джеймс и Хейзел проводят бессонную ночь, поднимаются ни свет ни заря, долго готовятся к выходу, наводя марафет, и тихо крадутся к выходу из дома, чтобы не потревожить спящих родителей или дядю. Не буду заставлять моих критиков выслушивать подробности о том, как по дороге к кафе Дж. Лайонза у юных влюбленных от волнения свело животы. Также я не буду упоминать их навязчивые сомнения и страхи, и как молодые люди упрямо отгоняли дурные мысли, убеждая себя в том, что им не о чем переживать.

Они не были виноваты в своем волнении. Сколько бы они ни ругали себя, пытаясь изображать безразличие, это было бесполезно: с таким же успехом они могли бы приказать себе не дышать.

Для Джеймса и Хейзел настало время познакомиться по-настоящему. Неужели все дело было лишь в магии музыки, лунном свете и танцах, или серый лондонский рассвет и чашка дешевого кофе заставят их испытывать те же эмоции, что и накануне?

Заведения Дж. Лайонза были разбросаны по всему Лон-

дону, и Джеймса преследовал совершенно нелогичный страх прийти не в то кафе. Он пришел в назначенное место еще до восьми часов, и, увидев, что Хейзел еще нет, неловко помялся снаружи. Ровно в восемь он зашел в кафе, сел на скамейку у двери и смял свою шляпу лишь для того, чтобы ее расправить и затем – опять смять.

Хейзел опаздывала, что не удивительно, учитывая, как проходило ее путешествие по утреннему Лондону.

Она проходила через квартал, затем поворачивала и шла назад, чтобы снова вернуться, на этот раз пройдя чуть дальше, потом ее охватывала паника и она бежала в сторону своего дома. К тому времени, как Хейзел добралась к Дж. Лайонзу, по ее спине стекали мелкие капли пота, хотя утро выдалось довольно холодным. Наконец, затаив дыхание и надеясь, что от нее ничем не пахнет, она зашла в кафе.

Джеймс вскочил на ноги. Только после этого он сообразил, как нелепо это выглядит со стороны, и напрягся всем телом. Он понятия не имел, что делать со своим лицом.

Хейзел видела, как он подскочил, явно в приступе разочарования, и скривил лицо от отвращения.

Она так и думала. Должно быть, от нее ужасно воняло. Она ужасно выглядела. Она была ужасной. И пригласить его сюда было ужасной, ужасной идеей. Ее рука все еще лежала на дверной ручке, и девушка в панике обдумывала пути отступления. Ее родители не должны об этом узнать. Нужно сделать вид, что этого никогда и не происходило.

При виде ее испуганного лица у Джеймса сердце ушло в пятки. Освещенная лучами утреннего солнца и одетая в повседневную одежду, Хейзел была еще милее, чем вчера вечером, но ей, очевидно, хотелось убежать. Что он мог сказать, чтобы облегчить ее страдания и дать понять, что она может уйти, если хочет?

– Доброе утро, – он непроизвольно улыбнулся, потому что воспитанные люди всегда желают доброго утра с улыбкой на лице.

– Доброе утро, – она протянула руку, потому что именно так поступают воспитанные люди, когда недостаточно хорошо знакомы со своим собеседником и не могут поцеловать или обнять его.

Но вчера она его уже поцеловала. О, как унижительно!

Он сжал ее руку в своих ладонях и снова улыбнулся. Хейзел тут же забыла о своем плане побега. Возможно, причина была в запахе лавровишневой воды.

– Столик на двоих? – спросила я.

Они последовали за мной к укромному столику за углом. Джеймс отодвинул для Хейзел стул и снял с нее пальто. Оставался только один свободный крючок, поэтому он повесил свое пальто сверху и покраснел. Наконец, он занял место напротив Хейзел.

Я подумала, что люблю этого мальчика. В самом невинном смысле этого слова.

– Советую попробовать лимонный торт, – сказала я, про-

тягивая им меню.

Тем утром официантки работали медленно. Мои потенциальные влюбленные балансировали на лезвии ножа, и если бы я не усадила их за стол, кто знает, что могло бы произойти. Поэтому я приняла облик почтенной официантки средних лет. Не могу передать, как меня раздражала безрадостная униформа работников Дж. Лайонза, но иногда приходится идти на жертвы.

И нет, я не считаю это жульничеством, вмешательством или манипулированием. Я всего лишь исполняла работу компетентного обслуживающего персонала. Иногда судьбы людей зависят от еще более банальных вещей, чем официантка, флиртующая с поваром на маленькой кухне лондонского кафе.

Хейзел и Джеймс изучали меню так внимательно, словно от этого зависели их жизни. Все что угодно, лишь бы не смотреть друг на друга. Я послала небольшое облачко симпатии по направлению к кухне, чтобы заставить настоящую официантку еще немного полюбезничать с мистером Кондитером, который вырисовывал на десерте кремовую розочку. Из-за этого мне пришлось обслужить еще несколько людей, но я вооружилась чайником горячего колумбийского кофе и сделала утро посетителей Дж. Лайонза немного лучше. Особенно мне запомнился один тучный, лысый джентльмен. Думаю, старый негодник сразу заподозрил, что я не та, кем кажусь на первый взгляд.

Когда-то и он был, в своем роде, Ромео, правда, тогда он был немного стройнее.

Я вернулась к Джеймсу и Хейзел. Наконец-то они разговорились и позволили себе расслабиться.

– Простите, – серьезно сказала Хейзел. – Но мы не нашли в меню лимонного торта.

Я с трудом удержалась от усмешки.

– Это особое блюдо на сегодня, – объяснила я.

– Интересно, где они взяли сахар, – удивилась Хейзел. – Продовольственное нормирование очень строгое, – она повернулась к своему спутнику. – Закажем немного торта, Джеймс?

И вот он уже стал другом, которого можно называть по имени.

– По-моему, это очень вкусно, Хейзел, – он очень серьезно посмотрел на меня. – Две порции, пожалуйста.

Мои славные, маленькие питомцы устроили игрушечное чаепитие на двоих. Маленький мальчик притворяется взрослым мужчиной перед своей девочкой. По крайней мере, он надеялся, что когда-нибудь сможет назвать ее своей. Видите, почему я люблю свою работу? Почему это не карьера, а призвание?

Я зашла за угол, сотворила из воздуха несколько огромных порций торта и начала подавать их посетителям. Лысый джентльмен коснулся моего локтя, чтобы тоже заказать кусочек. И так я подавала лимонный десерт всем присутствующим.

щим. Комплимент от богини. Шел четвертый год войны, и британцы остро нуждались в этом торте.

Перед Джеймсом и Хейзел возникла новая проблема: могут ли они есть на глазах друг у друга, рискуя испачкаться кремом и просыпать на себя крошки? Но, опять же, если они не станут есть – им придется разговаривать. Как пелось в старинной гэльской песне: ты пойдешь по главной дороге, а я пойду окольными путями и приду в Шотландию раньше тебя. Хейзел выбрала простой путь – торт, а Джеймс предпочел более сложный – разговор.

– Я так рад видеть тебя снова, – воскликнул Джеймс. Он пришел в Шотландию раньше Хейзел.

Что ж, он добровольно пропустил все подготовительные стадии. Дороги назад не было.

Его слова застали Хейзел врасплох, с вилкой у рта и ртом, полным торта.

– Мммпф, – прозвучал ее изящный ответ.

Но Джеймс так терпеливо смотрел на Хейзел своими добрыми, темно-кариими глазами, словно мог наблюдать за ней вечно. Она не сумела оторвать от него взгляд и каким-то чудом умудрилась проглотить торт, не подавившись.

– Я тоже, – она вспомнила про салфетку. – В смысле, тебя тоже. Я тоже рада тебя видеть.

Это была чистая правда.

Афродита

Вопросы – 24 ноября, 1917

Совсем не просто быть свидетелем юной, зарождающейся любви. Зачастую это шумный, нелепый и очень эмоциональный процесс. Если бы я вслушивалась в каждое слово, то давно превратилась бы в седую старушку, фигурально говоря, ведь я не старею. И все же, их беседы приносят мне удовольствие. Интересно наблюдать за тем, что они говорят, и еще интереснее – о чем предпочитают умалчивать. Например:

Почему ты решил прийти на танцы, где не будет ни одного твоего знакомого?

Как хорошо, что ты все-таки пришел!

Ты всегда аккомпанируешь на танцах?

Или, может, танцуешь с другими парнями?

Расскажи мне о Челмсфорде.

Готова поспорить, что в Челмсфорде полно девушек, красивее меня.

Ты давно играешь на пианино?

Как вышло, что такая талантливая девушка пришла в кафе с парнем вроде меня?

Чем ты занимался в строительной компании?

Как часто на строителей падают тяжелые балки?

Кто твой любимый композитор?

Пожалуйста, назови хотя бы одного. Что мне делать, если ты совсем не разбираешься в музыке?

У тебя есть граммофон?

Улыбнись еще раз. Вот бы у меня была твоя фотография, чтобы я мог носить ее в кошельке.

Расскажи мне о своих родителях.

Смотри, какой ты опрятный. Я так рада, что ты не один из тех грязнуль.

Расскажи мне о своих.

Они знают, что ты здесь, со мной? И они не против?

Как думаешь, ты когда-нибудь сыграешь в Альберт-холле?

Я бы мог разговаривать с тобой до самого вечера.

Почему нет? Мне кажется, у тебя бы отлично получилось.

Я бы сидел в первом ряду.

Если бы ты мог построить любое здание, какое только в голову взбредет, что бы это было?

Ну почему тебе нужно уезжать на фронт? Почему именно сейчас?

Ты уже знаешь, в какую часть Франции тебя отправляют?

Прости. Забудь, что я об этом спросила.

Ты знаешь французский?

Ты же видишь, как мне страшно отправляться туда. Ты презираешь меня за это?

Тебе уже нужно возвращаться домой? У тебя есть еще какие-то дела?

Пожалуйста, скажи «нет». Не покидай меня. У нас так мало времени.

Давай прогуляемся, ты не против?

Когда же мне удастся вернуть тебе тот поцелуй?

Декабрь 1942

Ковать и Плавить

Арес развалился на диване, под золотой сетью. Афродита с нежностью смотрит куда-то вдаль.

За ней наблюдает ее муж. В уголках ее глаз сияют слезинки. Эти смертные много значат для Афродиты, но почему? Они кажутся богу-кузнецу обычными людьми, такими же, как миллионы других.

Пока он не вспоминает, какой восторг и ощущение правильности накрывают его, когда он поднимает над кузней раскаленный докрасна меч. Для этого он появился на свет. Создавать, плавить, укрощать огонь и железо – две самые могучие и упрямые силы на свете, и видеть в своих творениях пользу и красоту. Если это распалило и закаляло его, может, за годы работы он сам стал похож на железо в своей кузне?

Радость и слезы, которые приносит любовь – все это работа Афродиты. Она родилась для того, чтобы ковать страсти. Она тоже была кузнецом и управляла иным пламенем, работая с куда более сложными материалами, чем железо. Какой отпечаток оставило на богине ее призвание?

Если бы Гефест хотел богиню домашнего очага, уюта и супружеской верности, он мог бы жениться на Гестии. Может, ему стоило так сделать. Она была одинока и отлично

готовила.

Но Гестии никогда не стать... Афродитой. Если ты единожды познал богиню любви – дороги назад уже нет. Ее невозможно забыть. И невозможно отпустить.

Афродита

Прогулка – 24 ноября, 1917

Когда в это холодное серое утро они вышли из кафе Дж. Лайонза, прижавшись друг к другу, я чувствовала себя матерью, наблюдающей за тем, как ее младший ребенок в первый раз идет в школу.

Они прошли по Гилфорд-стрит к Верхней Северной улице, плавно перетекающей в Общую аллею.

– Сюда, – сказала Хейзел. – Здесь мы вряд ли встретим кого-нибудь из моих знакомых.

Лицо Джеймса помрачнело.

– Я что, твой секрет?

Хейзел смущенно посмотрела на него.

– Секреты – это весело, не так ли?

Он ничего не ответил, но надвинул шляпу пониже, пряча глаза.

– Прости, – сказала Хейзел после недолгого молчания. – Для меня это все в новинку. Я не должна держать тебя в секрете, – она ухмыльнулась. – Только вчера папа сказал, что мне нужно больше развлекаться.

Джеймсу вдруг захотелось сердечно обнять ее отца.

– Если я не секрет, – сказал он. – То кто?

Хейзел запаниковала. Вдруг она ответит что-то не то?

Лошади и повозки, шумные броневые автомобили, уличные

торговцы, играющие дети и кричащие чайки – ничего не могло отвлечь Хейзел и Джеймса друг от друга, словно они были одни на необитаемом острове.

– Ты – новый нотный лист, – медленно сказала она. – К мелодии, которая кажется мне знакомой, как будто я знала ее всегда.

«Знала всегда» – эти слова что-то да значат, правда? Какая умная девочка. Она подняла голову и посмотрела на него, ожидая подтверждения тому, что она сказала слишком много. Открыла сердце слишком широко. Если бы он тоже был готов открыть свое сердце навстречу ей, он бы наверняка улыбнулся.

Что он и сделал.

– Нотный лист, да? – поддразнил он. – Хочешь сказать, что у меня плоское чувство юмора?

Шутка настолько нелепая, что даже смешная.

– Мне нравятся джентльмены, которые остры на язык, – быстро нашлась Хейзел.

Она поняла шутку! Не то чтобы я в ней сомневалась.

– Во мне нет ничего «нового», мисс Виндикотт, – сказал он ей. – Я слоняюсь по Челмсфорду уже много лет.

Она покачала головой.

– Неправда. Ты внезапно появился из-под земли, как цветок.

– Нет, – не согласился он. – Это была ты.

Вдруг они оба осознали, что руки Хейзел каким-то непо-

стижимым образом оказались в ладонях Джеймса. Это открытие сбило их с толку. Никто из них не помнил, как это произошло.

А все потому, что это устроила я. Вы же не думали, что я буду бездельничать? И, нет, это нельзя назвать вмешательством, потому что у Хейзел замерзли руки.

Джеймс посмотрел на заледеневшие пальцы, сжатые между его ладоней, и инстинктивно спрятал ее руки под свое пальто, туда, где билось его горячее сердце.

Может, для Джеймса это было всего лишь его сердце, но с точки зрения Хейзел ее руки только что оказались на мускулистой груди молодого человека, который, очевидно, очень активно участвовал в деятельности строительной фирмы все прошлое лето. В ее сознании словно прогремела сотня маленьких взрывов, быстро распространившихся по всему телу.

Она отдернула руки – не буду лукавить, мне это не понравилось – и охнула.

Джеймс быстро сократил дистанцию между ними.

– Что случилось? – взволнованно спросил он. – Ты в порядке?

Она покачала головой.

– Кто ты такой? – спросила она. – Что ты за человек? Только вчера я всего-навсего аккомпанировала на танцах, а сегодня уже убегая из дома, чтобы встретиться с незнакомым юношей и рассказать о себе столько всего, сколько я не рас-

сказывала никому за всю свою жизнь. — в ее голосе слышалось негодование. — Я — скромная, тихая девушка, которая играет на пианино. В основном для пожилых дам. А из-за тебя...

— Ты поцеловала в щеку парня, которого видишь впервые?

Она закрыла глаза рукой.

— Обязательно было говорить это вслух?

Джеймс осторожно убрал ее руку от лица.

— Это все, о чем я могу думать с того самого момента.

Внутренности Хейзел скрутились, как прическа моей старой знакомой Медузы.

Я прошептала ей на ухо:

— *Не бойся его, Хейзел.*

— Я боюсь тебя, Джеймс Олдридж, — сказала она.

Что за непослушная девчонка.

Он отстранился и поднял руки, признавая поражение. Смятение, отразившееся на его лице, разбило мне сердце. Как и сердце Хейзел.

— Нет, — вдруг сказала она. — Ты — образцовый джентльмен. Но когда ты рядом, я начинаю бояться себя.

— Давай увидимся завтра, — сказал Джеймс. — Сходим на воскресный концерт в Альберт-холле.

— Ты ведь понимаешь, какая это долгая прогулка?

— Неужели он так далеко?

Хейзел покачала головой.

— Ты не очень хорошо знаешь Лондон, правда? — она по-

смотрела в его темно-карие глаза и улыбнулась тому, что в них увидела. – Я согласна.

На щеках Джеймса снова появились ямочки. Он наклонился и поцеловал Хейзел в лоб.

– Вот, – сказал он. – Теперь мы квиты.

Хейзел сделала свой выбор. Она могла бы вести себя, как пай-девочка, но решила стать той, кого так боялась и кем всегда хотела быть.

Во всем были виноваты его ямочки. Империи рушились и из-за меньшего.

Афродита

Прощание – 24 ноября, 1917

Джеймс проводил ее до угла, на котором висела полосатая вывеска «Королевской бороды». Никто из них не знал, как попрощаться.

– До завтра, – напомнил Джеймс. – Не забудь про концерт. Может, после этого выпьем по чашечке чая?

– Во сколько встретимся? – Хейзел закусила губу.

«И что мне сказать родителям?»

– Давай встретимся в час, прямо на этом месте, – он посмотрел на нее. – Я куплю билеты.

Она кивнула.

– Хорошо.

Пришло время расставаться. Они оба это знали, но никто не двигался с места.

– Чем ты обычно занимаешься воскресным утром? – спросил Джеймс.

– Я аккомпанирую для хора в церкви Святого Матфея, – ответила Хейзел. – Наш органист...

– На фронте?

Она кивнула, но затем покачала головой.

– Он погиб там, – сказала Хейзел. – Он вроде как здесь, но в то же время и нет, потому что его могила во Фландрии.

Она опустила взгляд, чтобы не смотреть Джеймсу в гла-

за. Он все понял и попытался разрядить обстановку, зачитав отрывок из стихотворения:

– И коль мне суждено погибнуть вдали от Англии родной...

– ...то станет Англией та часть земли чужой, где я паду⁵, – пробормотала Хейзел. – Что за чушь.

«Пожалуйста, не умирай».

– Все в порядке, – сказал Джеймс. – Я в порядке. Я не против отправиться на фронт.

Ложь и правда, которая с каждой минутой все больше превращалась в еще одну ложь.

– Столько ребят отправилось на войну, и если я не поеду... Кто-то же должен остановить Кайзера.

Что она могла на это сказать? Что она не против?

Джеймс первым нарушил тишину.

– Он был хорошим органистом?

– Не особо, – она сморщила нос. – Но когда в церкви читали прощальную речь, можно было подумать, что они говорят, как минимум, о Георге Фридрихе Генделе.

Для Джеймса остаток дня оказался затуманен особыми чарами – магией Хейзел. Ему хотелось прильнуть к ложбинке на ее шее. Даже если эта шея была плотно замотана в шерстяной шарф.

Но это было слишком скоро, ведь он знал Хейзел всего двенадцать часов, и все, что их объединяло – два танца и

⁵ Отрывок из стихотворения «Солдат» Руперта Брука.

чашка кофе (просто замечательного кофе, но все же).

Поэтому он сжал ее руку.

– Пожалуй, мне пора идти.

Она кивнула.

– Уверена, у тебя еще много дел.

Он поцелует ее? Хейзел выжидала. Хотелось ли ей этого?

Она старалась не таращиться на его губы.

Такая хорошенькая. Она была очень, очень хорошенькая.

Сначала Джеймса захватила музыка, потом – ее глаза, но только теперь он увидел, насколько она очаровательна. Удивительно, что ему не приходилось постоянно отгонять от нее других молодых людей.

Я велела ему поцеловать ее.

Вместо этого он осторожно провел пальцем по ее щеке и кончику носа.

«Уходи сейчас, или не уйдешь никогда», – сказал он себе.

– До завтра, – Джеймс развернулся, чтобы уйти.

«Значит, никакого поцелуя».

– В час! – Отчаянная попытка продемонстрировать, что она вовсе не расстроилась, что осталась без поцелуя. Но меня не проведешь.

Объяснять происходящее и тем более противиться ему не было никакого смысла. Джеймс не понимал, что он чувствует, но в его сознании уже укрепились одна мысль: его счастье принадлежало юной пианистке. Вопрос лишь в том, захочет ли она его сохранить.

Афродита

Сомнения – 24 ноября, 1917

Когда Хейзел вернулась домой, выяснилось, что ее родители ушли по делам, так что ей даже не пришлось объясняться. Пока что. Она села за пианино, приготовившись к долгой репетиции – это было единственным лекарством от бабочек в животе, которые не оставляли ее в покое последние двенадцать часов. Но в середине произведения она отвлеклась и уставилась в окно. Что сейчас делает Джеймс? Во время игры она совершенно нелепо ошибалась и выбирала только печальные, сентиментальные баллады. Хейзел была безнадежна.

Джеймс справлялся немного лучше. Он отправился приобрести военную форму и вещевой мешок вместе со своим дядей. «Собери все проблемы в свой старый вещмешок, и улыбайся, улыбайся, улыбайся»⁶. Эта военная песенка постоянно крутилась у него в голове. Потный старый продавец коротко объяснил, для чего может понадобиться та или иная вещь, обозначив список всего, что может произойти в окопах. Траншейная стопа⁷. Вши. Лютый холод. Вечная сы-

⁶ Военный марш времен Первой мировой войны, написанный Феликсом Пауэллом.

⁷ Траншейная стопа – разновидность обморожения, которое поражает ступни ног из-за продолжительного холода, сырости и малоподвижности.

рость. Грязь. Шрапнель. Голод. Гангрена. Венерические заболевания.

Джеймсу казалось, что его стошнит.

– Не волнуйся, – сказал его дядя, когда они зашли пообедать в столовую. – Может, тебя отправят в какое-нибудь поселение. Или назначат на хозяйственное обслуживание.

Дядя Чарли служил во время второй Англо-бурской войны, но никогда не принимал участия в боях. Он занимался транспортом и доставкой припасов.

– Кроме того, – добавил он, – американцы придут на помощь, как только президент Вильсон закончит призыв и проведет подготовку. Может, в этом году все будет кончено к Рождеству.

То же самое говорили и в 1914 году.

– Как прошли вчерашние танцы? – спросил дядя Чарли. – Танцевал с какими-нибудь симпатичными девушками?

Джеймс уставился в пол, чувствуя на себе пристальный взгляд дяди.

– Познакомился с кем-то? – усмехнулся он.

Этот вопрос не требовал ответа, и Джеймс промолчал.

– Вот и славно, – сказал его дядя. – Совсем скоро тебе пора будет уезжать. Ты заслуживаешь немного повеселиться.

Эти слова заставили Джеймса поморщиться. Мисс Хейзел Виндикотт не подходила под определение «немного повеселиться». Она значила для него гораздо больше.

Джеймс быстро доел свой обед, поблагодарил дядю Чарли

и отправился бродить по Лондону. В конце концов юноша оказался в кинотеатре, в одиночестве, за просмотром какого-то посредственного фильма, после чего он вернулся домой и лег спать. В это время Хейзел с матерью слушали проповедь военного священника о том, как бог приглядывает за английскими солдатами на фронте.

«Только не за нашим органистом», – подумала Хейзел.

Ее отец был в Таун-холле – так назывался небольшой театр и музыкальный зал в Попларе, где он играл на фортепьяно по воскресеньям. Когда проповедь закончилась, Хейзел проводила мать до дома, а затем собралась в Таун-холл, чтобы провести вечер с отцом.

– Это не место для юной леди, – сказала ее мать. – Твоему отцу это не понравится.

– Я буду переворачивать для него страницы, – заверила ее Хейзел. – И ни на шаг от него не отойду.

И она не солгала. Девушка провела уютный вечер рядом с отцом, одетым в шляпу-котелок и полосатую рубашку с бабочкой. Его ловкие пальцы вдыхали жизнь в такие мелодии, как «Велосипед для двоих», «Я – Генри Восьмой», «Берти из Боу» и, конечно, «Типперэри».

Хейзел понимала, что игра отца не впечатлила бы месье Гийома – ее репетитора, – но ей все равно нравилось за ним наблюдать. Когда она была совсем крошкой, папа сажал ее на колени и играл так, словно ее кудрявая голова не закрывала ему ноты. Его гибкие руки с легкостью подчиняли себе

октавы, исполняя популярный репертуар звезд музыкальных залов.

И они были настоящими звездами. Вечер за вечером исполнители завладевали сценой и сердцами жителей Поплара. Они выступали, они кланялись, а затем спешили к автомобилю, припаркованному на задней улице, чтобы успеть в следующий зал, чтобы снова выйти на подмостки. Самые популярные из них могли петь, танцевать, рассказывать шутки и показывать пантомимы всю ночь напролет. В цветастых костюмах, в офицерской форме, в откровенных платьях и блестящих пиджаках. А некоторые – с выкрашенным в черный цвет лицом.

Такие артисты приводили зрителей в восторг.

– Посмотрите на смешного негра! – визжали женщины. – Спой еще раз, черномазенький!

Но отцу Хейзел это не нравилось. Когда выступали мужчины с черной краской на лице, его рот складывался в напряженную, прямую линию, а взгляд не отрывался от клавиш.

– Твой папа – трус, Хейзи, – сказал он. – То, чем они занимаются – неправильно. Это отвратительно и не по-христиански. Если бы я был мужчиной, я бы уволился в знак протеста.

Отец взял ее за руку.

– Чем бы ты тогда занялся?

– Это не важно, – вздохнул он. – Я – трус. Я поддерживаю эту чушь, чтобы платить по счетам. Помни, мы все – божьи дети. Будь смелее меня.

Хейзел не могла представить себе ситуации, в которой ей понадобилось бы проявить смелость. Но уже очень скоро она вспомнит напутствие отца.

Декабрь 1942

Первый свидетель

– Я хочу вызвать своего первого свидетеля, – сказала Афродита судье.

Арес кладет подушку на свою оголенную грудь.

– Ты же не позовешь сюда смертных?

– Держи себя в руках, – говорит ему богиня. – Ваша Честь? Вы позволите?

Гефест размышляет: на что он соглашается? План побега? Попытка позвать на помощь? Но она зашла так далеко в своей истории. Ему любопытно, и он молча кивает.

Она бросает взгляд на окно. По нему проносится яркий световой луч, и уже через секунду они слышат стук в дверь.

– Заходи, – говорит Афродита.

В номер заходит высокий мужчина в свободном полосатом костюме голубого цвета, гибкий и атлетичный. На нем яркий галстук цвета фуксии, бело-коричневые оксфорды и белая шляпа, надвинутая на лоб.

Слишком много мужской красоты для одной комнаты. Вновь прибывший просто прекрасен. Греческий профиль, мускулистая фигура, золотистое сияние кожи. Он идеален.

Молодой мужчина видит пленников, накрытых золотой сетью, и фыркает от смеха.

– Даже не представляю, что у вас тут происходит, – он

поднимает руки в воздух. – Но я вас не осуждаю. В конце концов, не я здесь судья, – юноша замечает в руках Гефеста судейский молоточек.

Посмотрев на Афродиту, он приподнимает шляпу в приветственном жесте.

– Добрый вечер, сестренка.

– Добрый вечер, Аполлон, – отвечает богиня. – Закат сегодня особенно прекрасен.

– Приятно, что ты заметила, – он прыгает на кровать, проверяя, насколько в матрасе упругие пружины. – Так что у вас происходит?

– Трибунал ревнивого мужа, – объявляет Арес. – Его жена выбрала мужчину получше.

– Тебе нужно окунуться в ледяную воду и прийти в себя, – вмешивается Гефест.

– Она рассказывает историю, – говорит Арес Аполлону. – Чтобы объяснить, почему она выбирала меня. Почему Любовь любит Войну, так сказать.

Он чувствует себя умным. Редкое явление за пределами поля боя.

– Ты вообще слушал меня все это время? – огрызается Афродита.

– Почему Любовь любит Войну? – эхом повторяет Аполлон.

– Дело совсем не в этом, – протестует богиня, но Аполлон уже заинтригован.

– Я просто без ума от Войны, – заявляет он.

Арес морщит нос.

– Что ж, это довольно неловкая ситуация...

– Возможно, в другой раз, – говорит Аполлон с ленивой грацией. – Я не тебя имел в виду.

– И Колизея не хватит, чтобы вместить самовлюбленность этих двоих, – бормочет Гефест.

– Афина – вот кто в моем вкусе, – объясняет Аполлон. – Яростная, прекрасная, невероятная. Война, мудрость и ремесло. Мы были бы отличной парой. Изысканной и модной. Богемной, но приземленной. Только представьте, какие бы у нас были дети.

– Забудь об этом, – говорит Афродита. – Афина не влюбится ни в тебя, ни в кого-либо еще. Поверь мне.

– Я еще завоюю ее сердце, – отвечает Аполлон. – Но, возвращаясь к твоему вопросу, в чем притягательность Войны? Гефест стучит своим судейским молотком.

– Вопрос отклонен. Меня это не интересует.

Аполлон задумчиво потирает подбородок.

– Взять, к примеру, чуму. Во время последней войны, моя так называемая «испанка»⁸ стала настоящим триумфом. Она забрала вдвое больше душ, чем твоя «великая» война, Арес.

– И ты этим гордишься? – изумляется Гефест.

⁸ Испанский грипп, или «испанка» (1918–1920 гг.) был, вероятней всего, самой массовой эпидемией гриппа за всю историю человечества как по числу заразившихся, так и по числу умерших.

– Дело не в количестве трупов, бог вулканов, – говорит Аполлон. – Я имею в виду ужасающую красоту масштабной, разрушительной силы. Когда Посейдон сотрясает землю и цунами смывает в океан все прибрежные поселения – это стоящее зрелище. Признай, тебе понравилась трагедия, разыгравшаяся у подножия Везувия. Ты гордишься тем, что случилось в Помпеях.

Гефест старательно изображает скромность.

– Прошло уже две тысячи лет, а люди все еще говорят об этом.

Аполлон пожимает плечами.

– Мы – художники, – он призывает из воздуха блюдо с виноградом, финиками и сырами, съедает несколько кусочков, а затем обращается к Аресу. – Не говори, что ты не наслаждался Битвой на Сомме или при Вердене. Ты был пьян от крови, – Аполлон жестом указывает на блюдо с яствами. – Угостишься?

– Ты – глупец, – говорит бог войны.

– Я всего лишь хочу сказать, – Аполлон все еще жует, – что мой маленький вирус гриппа – микроскопическое и очень заразное произведение искусства, – он причмокивает губами. – В аннигиляции есть определенная *je ne sais quoi*⁹. За каждым из вас есть такой грешок, так что не читайте мне проповеди.

⁹ *Je ne sais quoi* (фр.) – красота, которую невозможно описать словами, или невыразимая суть искусства.

– Я здесь ни при чем, – говорит Афродита. – Разрушение – не моя стезя.

Боги-мужчины несколько секунд молча смотрят на нее, а затем в номере раздается их громкий хохот. Афродита поворачивается к ним спиной.

– Нельзя забывать и о поэзии, – говорит Аполлон. – Это еще одна причина любить войну. Великая война рождает великие строки... К примеру, небезызвестные события, развернувшиеся у стен Трои. Вот, позвольте я декламирую...

– Нет! – прозвучали в унисон три божественных голоса.

Аполлон выглядит искренне удивленным.

– Не хотите? – Он создает из воздуха укулеле. – Что ж, будь я проклят. Но ведь есть еще музыка. Великая война разжигает музыкальный огонь, который охватывает весь мир.

– Об этом мы и говорили, – замечает Афродита.

Арес хмурится.

– Неправда.

– Аполлон, я призвала тебя для того, чтобы ты рассказал свою часть одной истории, – Афродита игнорирует слова бога войны.

– Какой истории?

Богиня бросает на него многозначительный взгляд.

– Ах. Той истории.

Аполлон

Карнеги-холл – 2 мая, 1912

Перенесемся в Карнеги-холл.

Второе мая 1912 года. Первая мировая война начнется только два лета спустя. Оркестр Скрипичного Клуба Джеймса Риза вот-вот начнет свое выступление на «Концерте негритянской музыки». В зрительном зале яблоку негде упасть.

Впервые в Америке черные музыканты исполняют свою музыку в большом концертном зале. Оркестр, состоящий из сотни человек, будет играть на трубах, флейтах и скрипках, а так же банджо и мандолинах. Хор Скрипичного Клуба – более ста пятидесяти человек – умещается на сцене с той же ловкостью, что и хор Тейлора Кольриджа, в котором всего сорок голосов. В глубине сцены стоят десять роялей. Десять.

Зрители, среди которых можно увидеть и черные, и белые лица, с нетерпением ожидают начала представления. Совсем скоро они услышат совершенно новый звук, такой энергичный, ритмичный и гармоничный, такой синхронный и живой, что музыка никогда не станет прежней. Этот звук прокатится по всему миру, а за ним – хотя пока об этом никто не подозревает – последует гром военных барабанов.

Некоторые из вас могли бы подумать, что десять роялей – это какая-то шутка. Что оркестр Скрипичного Клуба будет

делать с десятью роялями?

Обри Эдвардсу, сидящему за третьим роялем, было не до шуток. Я приглядывал за ним еще с тех пор, когда он ходил на горшок. Обри был одним из молодых музыкантов на сцене, но его самоуверенности хватило бы на десять пианистов. Дайте ему еще несколько десятков пальцев – и он сыграет на всех этих инструментах. Он знал о ладах и созвучиях абсолютно все.

Бездонная тьма Карнеги-холла разверзлась перед ним, как гигантская пасть, готовая поглотить его, рояль и все остальное. Огни рампы – это зубы. Деревянная сцена – язык. Каждый балкон – еще один ряд зубов.

Он надеялся, что его родители и сестра Кейт где-то в зале. Трудно было сказать, достались ли им билеты. Когда Обри прибыл к Карнеги-холлу, очередь в кассу растянулась на всю улицу и завернула за угол. Он был очень молод и, к тому же, не нес в руках инструмента, поэтому охранник не сразу поверил, что юноша – музыкант оркестра, и долго не хотел пропускать его внутрь.

Остальные пианисты заняли свои места. Все музыканты оркестра искрились энергией и воодушевлением. Воздух пропитался одеколоном и деревянно-медным запахом инструментов.

На сцену вышел дирижер – Джеймс Риз Эйроп. Это был мужчина внушительных размеров в блестящем белом костюме. По зрительному залу прокатился шквал аплодисментов,

который, словно цунами, прошелся по всему партеру и по-
утих, добравшись до балконов. После этого наступила тиши-
на. Сейчас.

Даже уверенный в себе Обри на секунду испугался. Как начинается «Марш Скрипичного Клуба»? Где они должны сделать модуляцию? Его пальцы заledenели. Он все испортит. Джим Эйроп его убьет. Дядя Эймс, у которого он научился играть, убьет его дважды. Он больше никогда не сыграет в Гарлеме. Обри вытер потные ладони о свои серые брюки.

В этот момент юноша заметил блестящие капли пота на лице Джима Эйропа. Значит, он тоже волнуется. У Эйропа были необычные, выпуклые глаза, и его взгляд из-под очков всегда казался особенно напряженным и серьезным, но в тот день в нем читалась настоящая свирепость.

Эйроп поднял дирижерскую палочку. Весь зал глубоко вдохнул.

Музыка взорвалась в ту ночь в Нью-Йорке.

Ничего подобного еще не случилось в стенах этого прославленного концертного зала.

Среди зрителей находились критики, журналисты, профессора, артисты – музыкальная элита города. Их накрыло этим ураганом, вместе со всеми остальными. Об этой ночи они будут вспоминать всю свою жизнь.

Они наблюдали музыкальный феномен. Не песни, написанные для черных исполнителей белыми композиторами.

Не унижительные пародии, высмеивающие черных музыкантов. Черные композиторы и поэты, черные музыканты — талантливые люди, проделавшие превосходную работу. Не только превосходную, но дерзкую, яркую и совершенно оригинальную. Джон Розамонд Джонсон и Пол Лоуренс Данбар. Гарри Т. Берли и Уилл Марион Кук. Пол С. Болен и, конечно, сам Джеймс Риз Эйроп.

С того момента, как грянула музыка, Обри Эдвардс не переставал ухмыляться. Весь страх улетучился, запястья вновь стали гибкими, а локти расслабились. Он практически впитывал восторг толпы.

Культурные установки были разрушены в тот вечер, хотя результат не был мгновенным. Пройдет еще какое-то время, прежде чем черная музыка заслужит не только популярность, но и уважение за свою оригинальность и силу.

Для Джеймса Риза Эйропа и его оркестра Скрипичного Клуба эта ночь стала триумфом. Оркестр отдал, а публика получила, и их единение образовало своеобразное крещендо.

Обри Эдвардс влюбился в ту ночь, но не в пианино: он всегда любил свой инструмент. Он влюбился в сцену и публику и хотел бы выступать каждый вечер, всю оставшуюся жизнь.

Я услышал его желание и исполнил его.

Обри Эдвардс еще заплатит за свое желание, следуя за Джимом Эйропом по всему миру и выступая повсюду: даже

в аду, который разверзся на полях сражений во Франции.

Аполлон

Спартанберг – 13 октября, 1917

Теперь перенесемся в Спартанберг, Южная Каролина, пять лет спустя. На дворе тринадцатое октября 1917 года: теплая осенняя ночь. Жители Спартанберга собрались послушать концерт под открытым небом. Белые солдаты из тренировочного лагеря пришли в форме. Белые гражданские – в простых рубашках и цветастых юбках, со стаканами холодного пива и сладкого чая, в ожидании «цветной музыки».

Конечно, «цветная» – не совсем то слово, которое они используют.

Оркестра Скрипичного Клуба больше не существует. Теперь это военный оркестр пятнадцатого пехотного полка Национальной Гвардии штата Нью-Йорк, с лейтенантом Джеймсом Р. Эйропом в качестве дирижера, который, в знак доброй воли, согласился провести концерт для людей Спартанберга – города, ставшего домом для тренировочного лагеря Уодсворт.

В свете уличных фонарей порхают мотыльки, и оркестр настраивает свои инструменты на фоне лилового неба. Пока что со сцены раздается только нестройный гам, но в этих звуках таится ожидание: скоро из хаоса родится строгий порядок и музыкальный восторг.

Обри Эдвардс перебирает барабанные палочки длинными

пальцами. Он напряжен и напуган: переживет ли он этот концерт? Каждую ночь оркестр отходит ко сну, не зная, разбудит ли их утренняя побудка или полночное нападение линчевателей.

Военный оркестр Национальной Гвардии штата Нью-Йорк состоит исключительно из черных, и они прибыли в лагерь Уодсворт после базовых тренировок в лагере Дикс в Нью-Джерси, где южные солдаты повесили на здания таблички «только для белых» и «цветным вход запрещен».

Когда в Спартанберге узнали, что в лагере Уодсворт разместится полк, состоящий исключительно из черных, губернатор Южной Каролины отправился в Вашингтон, чтобы убедить правительство не отправлять черных солдат в их штат. Мэр Спартанберга – сын солдата Конфедерации¹⁰ – сказал репортеру «Нью-Йорк Таймс»:

– На севере процветает идея равенства, и они, верно, полагают, что к ним будут относиться так же, как к белым. Я заявляю, прямо здесь и сейчас, что к ним будут относиться исключительно как к неграм. Мы должны обращаться с ними так же, как обращаемся с нашими местными неграми. Все это – как махать красной тряпкой у быка перед носом... Вы же помните, что произошло в Хьюстоне пару недель назад.

Я знаю, что ты помнишь Хьюстон, Арес. Это была вой-

¹⁰ Конфедеративные южные штаты Америки воевали против Соединенных Штатов во время Гражданской войны в США, противились отмене рабства и еще долгое время после окончания войны были более подвержены расистским настроениям, чем северные штаты.

на, продлившаяся одну ночь. Белый полицейский ворвался в дом черной женщины без ордера, в поисках подозреваемого. Когда она высказала несогласие, он избил и арестовал ее, после чего вытащил несчастную из дома полуодетой. Черный солдат, увидевший это, попытался защитить женщину, но полицейский ударил его пистолетом, нанеся серьезные травмы. Мужчины из полка пострадавшего солдата поняли, что белые полицейские и военачальники не встанут на их сторону и не будут защищать их интересы. Это происшествие стало последней каплей в длинной череде несправедливостей. Они устроили в городе погром, за которым последовала массовая стрельба, и много людей – солдат и мирных жителей – погибло в ту ночь.

Этот концерт был попыткой не допустить еще одного Хьюстона. Они хотели доказать, что не все черные солдаты – мятежники и убийцы. Обри Эдвардс и его друзья-музыканты приготовились играть так, словно от этого зависели их жизни.

Рядовому Обри Эдвардсу теперь двадцать, он выше на несколько дюймов, намного шире в плечах и гораздо проворнее перебирает клавиши пианино. Ему хочется завоевать мир рэгтайма и оставить свой след в новом американском джазе. Он уже видит свое имя на афише, в свете ярких софитов. Обри чувствует ритм не хуже бывалых музыкантов, а его импровизации совершенно неистовые и бурные. Лейтенант Эйроп думает, что даже слишком бурные.

Обри уже давно превзошел уровень своего дяди, поэтому теперь его обучает сам Эйроп, который прекрасно понимает, что этого парня ожидает светлое будущее. И в это понятие не входят окопы во Франции.

Но именно туда Обри и отправится, если генерал Першинг разберется, что делать с черным отрядом. Кто будет ими командовать? Кто станет сражаться с ними бок о бок? В том-то и проблема.

Америка наконец вступила в войну. Своими торпедами Германия разбудила спящего гиганта, и телеграмма Циммермана¹¹ сыграла в этом важную роль. Американцы, которые хотели оставить европейцев грызться друг с другом, теперь запели совсем по-другому.

Этой весной Обри поступил на срочную службу в полк, вместе со своим приятелем Джоуи Райсом и большинством их друзей. Причиной этому стали мечты о музыкальной карьере, а вовсе не о воинской славе. Ему будут платить за выступления с Джимом Эйропом по всей Европе («это название она получила в честь меня» – любил говорить Джим). Почти что профессиональный музыкант! Существенным минусом этой сделки был тот факт, что, помимо всего прочего, ему придется стрелять из винтовки.

Идея участия в военном оркестре казалась привлекатель-

¹¹ Телеграмма Циммермана – телеграмма министра Германии немецкому послу в США, которая была расшифрована и использована президентом Америки для обоснования объявления войны Германии в конце Первой мировой войны.

нее должности лифтера где-нибудь на Манхэттене. Это была лучшая работа, на которую Обри мог рассчитывать после окончания школы. Но как долго он смог бы простоять в лифте с натянутой улыбкой, желая доброго утра белым мужчинам, которые никогда не удостоят его ответом или хотя бы взглядом? Если бы он остался там, то мог бы нажимать кнопки этажей всю оставшуюся жизнь. Но если он вернется ветераном или даже героем войны – у него появится шанс на лучшее будущее. А если не вернется... то и говорить не о чем.

На концертной площадке Спартанберга есть только одно пианино, и на нем играет рядовой Лаки Робертс, поэтому рядовой Эдвардс вынужден сидеть за ударными. Нобл Сиссл поет своим глубоким баритоном, плавно раскачиваясь и поигрывая бровями так, что белые дамочки тают от одного его взгляда. Бесспорно, он привлекательный дьявол, но все же черный. Поэтому они тают только до определенной степени, особенно, если их мужья рядом.

Военный оркестр страшно популярен в Спартанберге. Днем продавцы в магазинах оскорбляют их в лицо, городские хулиганы бьют в подворотнях, а полк из Алабамы угрожает линчеванием, но их музыка слишком хороша, чтобы ее игнорировать. Спартанберг не может усидеть на месте, приподнимая ногами и хлопая в ладоши. Молодежь пускается в пляс прямо на газоне. Они не хотят видеть черных музыкантов в своих отелях, но танцевать под быстрые ритмы Джима

Эйропа не только нормально, но даже модно.

И все же опасность нависла над ними, как грозовая туча. Обри, который может барабанить с закрытыми глазами, видит, как танцуют симпатичные девушки. Он проводит все время с мужчинами, поэтому ему хочется смотреть еще и еще. Возможно, он мог бы сделать это в Нью-Йорке, но здесь? Даже симпатичное личико не стоит того, чтобы тебя повесили на ближайшем дереве.

Письма его матери полны тревоги и предостережений. Она выросла в Миссисипи и знает о линчевании все. Обри постоянно думает о том, не умрет ли он «в» своей стране, прежде чем ему выпадет шанс умереть «за» свою страну. В любом случае, он предпочел бы жить.

Концерт заканчивается, и солдаты ровным строем маршируют обратно в свои бараки, а зрители расходятся по домам. Ярость толпы была умиротворена, но только на сегодня. Пройдет еще неделя, и напряжение снова захлестнет массы. В надежде подавить расовые бунты, армия решит, что им не место в Соединенных Штатах, и никто из англоговорящих солдат на Западном фронте не захочет служить рядом с ними. Поэтому США предложит их Франции в знак доброй воли. Сбросит с рук, как горячую картофелину.

Швырнет подальше, как гранату с сорванной чекой.

Декабрь 1942

Точка пересечения

– Не то чтобы я возражал против истории о солдате, но как мы перешли от английской девчонки и ее парня к американскому пианисту? – вмешивается Арес. – Я что-то пропустил?

– Их истории пересекутся, – объясняет Аполлон. – Скоро. Арес пожимает плечами.

– Не то чтобы мне было до этого дело.

Ну конечно.

– Мне остаться, богиня? – спрашивает Аполлон.

– Конечно, – отвечает она. – Ведь нам еще столько нужно рассказать.

Афродита

Альберт-холл – 25 ноября, 1917

Ровно в час Хейзел Виндикотт спустилась вниз, обошла «Королевскую бороду» и направилась к месту встречи. Где-то на задворках ее сознания метался призрачный страх: Джеймс не придет.

Она почти соскучилась по нему. Джеймс стоял, прислонившись к стене, на том месте, где они разговаривали накануне.

– Только посмотри на себя, – сказал он.

– Легко, если ты принес с собой зеркало.

Теперь они знали друг друга немного лучше, но при этом у них не осталось вежливых формальностей, за которыми можно было спрятаться. Никакого сценария. Мои бедные крошки.

– Давай поскорее уберемся отсюда, – предложил Джеймс, и, схватив его за руку, Хейзел побежала вниз по улице.

– Не так быстро, – засмеялся он. – Да ты в гораздо лучшей форме, чем я.

Джеймс достал из кармана карту и расписание поездов.

– Так вот, мисс, «ты не очень хорошо знаешь Лондон», – сказал он. – Спешу сообщить, что я со всем разобрался.

– Неужели?

– Так точно-с. Мы отправимся на станцию в Боу, а оттуда

– прямоком на Глостер-роуд, – он сверился со своими записями. – Потом проедем одну остановку по Линии Пикадилли к Кенгсингтон-стрит. Оттуда мы дойдем до Гайд-парка.

– Так ты теперь светский человек, знаток города. Впечатляет.

– Не смейся надо мной.

Снова эти ямочки.

Они добрались до станции, купили билеты, забежали в поезд и рухнули на сиденья. Поезд тронулся, и за окном потянулись виды Лондона. Джеймс смотрел на линию горизонта, потому что пялиться на Хейзел было бы просто грубо.

– Ты подмечаешь все здания, да?

– Разве?

– Какие здания нравятся тебе больше всего?

Никто еще не спрашивал его об этом. Джеймс перевел взгляд на свою спутницу, чтобы убедиться: она спрашивает из вежливости, чтобы поддержать разговор? Но Хейзел смотрела на него широко открытыми глазами, полными любопытства. Она правда хотела знать.

– Конечно, мне нравятся величественные старые постройки. Ратуши, церкви и правительственные здания, – он повернулся к ней. – Но польза волнует меня куда больше, чем красота. Например, больницы. С тех пор, как началась война, нам не хватает госпиталей. Они могли бы быть больше и современнее, с улучшенным водопроводом и проводкой. Я много об этом читал.

– Разве нам нужны будут такие больницы, когда война закончится? – спросила Хейзел.

– Ты хотела сказать «если закончится».

Он сразу же пожалел о своих словах.

Хейзел накрыла его руку своей ладонью.

– Не говори так. Война должна закончиться.

Джеймс отважился посмотреть ей в глаза.

– Я был ребенком, когда она началась, – сказал он. – Теперь мне приходится напоминать себе, что когда-то жизнь была нормальной. Все родственники собирались на Пасху. Летом мы с двоюродными братьями и сестрами ездили к бабушке на море и играли на пляже. Строили замки из песка.

Хейзел, у которой не было даже дальних братьев и сестер, тут же представила себе эту радужную картину во всех красках.

– Один из моих двоюродных братьев погиб при битве на Сомме, – сказал Джеймс. – Другой лишился ноги.

Хейзел склонилась к его плечу.

– Какими они были?

Он задумчиво посмотрел в окно.

– Они были футболистами, – юноша грустно улыбнулся. – Уилл был ловким, а Майк – быстрым. Это нужно было видеть.

– Война скоро закончится, – сказала Хейзел. – Не могут же они быть настолько безумными, чтобы позволить ей длиться вечно. Кроме того, американцы уже на подходе. Ду-

маю, немцы их боятся.

Джеймс невесело рассмеялся.

– Я полагаю, немцы так же упорны, как и американцы. Но численность американцев куда выше, им стоит только добраться до Франции, – он вздохнул. – Я бы хотел, чтобы они прислали пару миллионов человек на этой неделе. Если бы война закончилась в воскресенье, мне не пришлось бы туда ехать.

Хейзел просунула руку ему под локоть.

– Давай надеяться, что они пришлют людей, – сказала она. – Миллион в понедельник. Миллион во вторник. Еще миллион в среду.

Он улыбнулся, но в его глазах стояла печаль.

– Я трус, да? Теперь ты это знаешь.

Хейзел дотронулась до его щеки.

– Ты не трус, – твердо сказала девушка. – Ты хочешь жить, как и все люди, – она улыбнулась. – Мне бы тоже хотелось, чтобы ты жил.

Ее лицо было очень близко, а в глазах сияла теплота, и Джеймсу пришлось напрячь всю силу воли, чтобы не поцеловать ее прямо в поезде.

«Не сейчас, – сказал он сам себе. – Не здесь».

– Хорошо, – он все-таки смог улыбнуться. – Буду жить ради тебя. Раз уж ты так сказала.

Почему бы ему не поцеловать ее? Хейзел старалась не придавать этому особого значения, но ее взгляд постоянно

соскальзывал на его губы.

– Я правда хочу, чтобы ты жил, – сказала она. – Возвращайся поскорее и построй все эти новые больницы.

– Не только больницы, – заметил Джеймс. – Заводы. Склады. Жилые дома. Железная дорога постоянно расширяется, и скоро нам понадобится больше домов, школ и поселений. Все архитектурные журналы пишут об этом. Если после войны я смогу изучать архитектуру... – он прервался на полуслове. Еще немного, и юная пианистка впадет в кому от скуки. – Прости. Вот это я заболтался.

– Я тебя слушаю, – сказала Хейзел. – Думаю, это просто замечательно. У тебя должны быть амбиции, – она нахмурилась. – Хотелось бы и мне иметь такую ясную цель.

Она посмотрела в окно, на однообразные серые дома, стоящие вдоль железнодорожных путей.

– Рядом с доками, в Попларе, находятся жуткие трущобы. Церковь святого Матфея организовала благотворительность для портовых работников и их семей. Но дешевое варенье и старые книги не решат их проблем, правда?

– Только если у тебя очень много варенья и книг.

Джеймс и Хейзел чуть не пропустили объявление о том, что поезд остановился на Глостер-роуд. Перейдя на Линию Пикадилли, они доехали до Кенгсингтон-стрит и последовали за плотной толпой в прохладный вечерний сумрак. Серый и неприветливый Гайд-парк провел их до Альберт-холла, который сиял яркими огнями, как океанский лайнер. Они при-

соединились к другим посетителям и вскоре оказались внутри, где им пришлось преодолеть множество ступеней: прямоком до их мест на самом высоком уровне балкона.

Хейзел увлеченно рассматривала партер, оркестровую яму и сцену, которые остались внизу.

– Прости, это лучшие места, которые я смог достать, – стушевался Джеймс.

– Не глупи, – сказала она. – Это просто потрясающе.

Девушка перегнулась через перила и тяжело сглотнула.

– Насколько мы высоко?

– Лучше об этом не думать.

Джеймс помог Хейзел снять ее пальто, затем разделся сам и сел на свое место. На их уровне было не так много зрителей, и большинство из них пришли в одиночку. Но какая разница, если вокруг четыреста человек? Джеймс не знал, куда деть свои руки, и вдруг испугался, что может обнять ими Хейзел и больше никогда не отпускать. Поэтому он предпочел на них сесть.

Хейзел наблюдала, как люди наполняют зал. Она комментировала размер рояля и количество мест для участников оркестра. Ей не было скучно ни секунды. Джеймс размышлял о том, что сказал ей в поезде. Он еще никогда не говорил так много с девушкой, которая не являлась бы его родственницей. Ему казалось, что он мог бы болтать с Хейзел весь день, весь год, всю жизнь, целую вечность.

Хейзел обвела концертный зал рукой.

– Каким бы ты построил это здание?

Он оглядел огромное пространство вокруг них.

– Продумывать архитектуру было бы весело, – сказал он. – Нужно поддерживать тяжелый вес крыши, но при этом колонны не должны закрывать зрителям вид на сцену. Не хотелось бы мне штукатурить этот потолок, стоя на высоченных лесах. Даже за королевские драгоценности.

Она засмеялась.

– Я тоже не люблю высоту, – сказала девушка. – Но за королевские драгоценности я все же попробовала бы забраться на леса.

– Ты смелее, чем я, – ухмыльнулся Джеймс. – Может, это тебе нужно отправляться на войну.

Услышав это, она резко выпрямилась.

– Ты знаешь, иногда мне и правда хочется быть там, – Хейзел увидела его удивленное лицо. – Я не имею в виду поле боя или траншеи. Думаю, я для этого не гожусь, – она улыбнулась. – В моей школе были девчонки, которые могли дать отпор кому угодно, только подойди. Но не я. И из меня выйдет ужасная медсестра. Вся эта кровь! Мне стало бы плохо прямо у хирургического стола.

Джеймс едва не рассмеялся, но сдержался.

– Но мне хочется чем-то помочь, а не сидеть дома и готовиться к прослушиванию, пока юноши умирают на чужой земле.

Свет стал более приглушенным, а рев толпы сошел на нет,

превратившись в тихое журчание.

Джеймс наклонился к Хейзел и прошептал ей на ухо:

– Сделать мир безопаснее для людей, которые готовятся к прослушиванию – хорошая причина для того, чтобы отправиться на войну. Если не станет музыки и искусства и вся красота исчезнет – что у нас останется?

Он смотрел, как она широко открыла свои большие глаза с длинными ресницами. Эта красота никогда не исчезнет.

В темном зале, освещенном только огнями сцены, их взгляды встретились.

«Поцелуй ее. Давай».

Музыканты начали настраивать инструменты. Чары разрушились. Конферансье поприветствовал зрителей и зачитал номера программы. Затем на сцену вышел дирижер – мистер Лэндон Рональд, и все музыканты оркестра поднялись. Альберт-холл наполнили аплодисменты, мистер Рональд поклонился, и оркестр занял свои места. Огромный зал погрузился в тишину.

Началась музыка.

Джеймс и Хейзел закрыли глаза, позволяя музыке унести все их мысли и сомнения. Звучная труба начала с торжественных аккордов. Деревянные духовые словно играли в догонялки, и их легкие, невесомые мелодии кружились по залу, как бабочки. Затем деревянные духовые и труба вместе. Марш и танец. Солдат и пианистка.

Хейзел вдыхала пульсирующий звук, наполняя им легкие.

Она загадала желание: «Пусть этот вечер никогда не заканчивается. Пусть музыка играет вечно».

Джеймс и раньше бывал на концертах, но никогда не слышал ничего подобного. Музыка окружала его и проникала в каждую клетку тела. Каждый полутон: такой живой, такой чистый и мощный.

Хейзел перевела взгляд на Джеймса и заметила, что он дышит в такт с мелодией. Она увидела слезы в его темных глазах.

«Вот этот, – решила она в тот момент. – Этот юноша для меня».

Вот и все, дело сделано.

Афродита

Концерт продолжается

– 25 ноября, 1917

Мисс Адела Верне играла первое соло «Фантазии на венгерские народные темы» Франца Листа. С точки зрения Джеймса она играла так же мастерски, как пианисты-мужчины. Он надеялся, что Хейзел будет особенно интересно увидеть солирующую пианистку.

Поймав взгляд Хейзел, он показал на сцену.

– Тебе бы хотелось выступить перед таким большим залом?

Она улыбнулась.

– Ты уже задавал этот вопрос.

Он наклонился ближе.

– Платье какого цвета ты надела бы на сцену?

Она как-то странно на него посмотрела.

– Черное, конечно. Пианисты не могут одеваться так же, как оперные певцы.

– Так значит, ты бы хотела выступить?

– Я далеко не так талантлива, как тебе кажется, – Хейзел улыбнулась. – Я обычная девушка, такая же, как все. Просто я умею играть на пианино.

Джеймс посмотрел на ее длинные, тонкие пальцы.

– А после консерватории?

Она пожала плечами.

– Если я хочу выступать, мне придется закончить консерваторию, – в этом утверждении прозвучало очень много «если». – Мои родители тяжело работают и жертвуют слишком многим, чтобы я могла позволить себе репетитора, который нам не по карману.

Она перевела взгляд на рояль, стоящий на сцене.

– Они так в меня верят. Я обязана им всем, что у меня есть и когда-либо будет.

Джеймс не мог понять, почему она так противится идее выступать на сцене, поэтому ничего не сказал.

Несколько секунд Хейзел раздумывала.

– Если бы я могла прийти сюда ночью, – сказала она. – Включить только один прожектор, направить его на рояль и играть для темноты. Это было бы замечательно.

Джеймс с интересом посмотрел на нее.

– В одиночестве?

Она кивнула.

– Представь, как романтично было бы играть в темноте, только для этого пустого зала, который слышал и видел так много, – Хейзел потерла руки. – У меня от одних мыслей идут мурашки.

– Но почему без зрителей?

Мистер Лэндон Рональд снова поклонился, и зал взорвался аплодисментами.

– Люди только мешают.

Джеймс понизил голос, потому что дирижер вновь взмахнул палочкой.

– Тогда представь, что я – не люди, – сказал он. – Потому что я обязательно пришел бы на твое ночное выступление.

Она сжала его ладонь.

– Посмотрим.

Оркестр исполнял одну композицию за другой. Дворжак, и Алькан, и Падеревский, и Сен-Санс. Некоторым зрителям могло показаться, что концерт длится слишком долго, но только не Джеймсу с Хейзел. В конце они поаплодировали оркестру вместе с остальными и, задержавшись в зале, насколько это допускали приличия, вышли навстречу холодному сумеречному воздуху.

– Выпьем по чашечке чая? – спросил Джеймс.

Хейзел грустно покачала головой.

– Не стоит. Я... эмм... не сказала родителям, куда я ушла.

От удивления у Джеймса открылся рот.

– Ты... что?

Девушка стыдливо опустила голову.

– Я обязательно им скажу. Просто я еще не придумала, как это сделать, – она подняла взгляд на Джеймса. – Они очень милые. Не могу поверить, что я так с ними поступаю. Думаю, ты им понравишься.

– Спасибо, – засмеялся он. – Хочешь сказать, что я – на любителя? Сначала нужно привыкнуть, да?

Она покраснела и пихнула его локтем в ребра.

– Прекратить что?

– Подшучивать надо мной.

Джеймс остановился и повернулся к Хейзел. Она поежилась от холода, и он инстинктивно потянулся к ее лицу, чтобы согреть.

«ЦЕЛУЙ ЕЕ».

Хейзел задержала дыхание. Его карие глаза были такими красивыми. Теперь он точно ее поцелует.

Но этого не произошло. Хейзел испугалась: вдруг он все еще ждет объяснений по поводу ее родителей? Поэтому она сказала:

– Мой папа всегда следит за тем, куда я хожу и с кем общаюсь, а мама боится всего на свете. Она постоянно рассказывает истории про чьих-то дочерей, которые влюбились в никудышных и опасных парней, и что произошло с ними потом.

– Никудышных и опасных, – повторил Джеймс.

Хейзел предупреждающе подняла руку.

– Нет, прекрати сейчас же, – сказала она. – Ты ведь понимаешь, что я не это имела в виду.

Он ухмыльнулся и признал, что просто ее поддразнил.

– Папа предупреждал меня и насчет солдат, – призналась Хейзел. – И... я его понимаю. Он не хочет, чтобы мне было больно.

Джеймс аккуратно провел большими пальцами по ее ску-

лам.

– Я никогда не причиню тебе боль, Хейзел Виндикотт. Она была готова поцеловать его сама.

– Я знаю, – прошептала девушка. – Но ведь это не зависит от тебя.

Никто из них не мог подобрать нужные слова, чтобы выразить все, что они не решались сказать.

Наконец она пробормотала что-то о холоде и упомянула поезд. Они оторвались друг от друга, дошли до станции и сели в вагон.

– В общем, – сказала Хейзел, возвращаясь к старому разговору. – Если бы я рассказала о тебе родителям, они бы настояли на встрече с тобой, начали бы приглядывать за нами, ограничивать время наших встреч. А мне было бы этого недостаточно, – она доверчиво посмотрела в его темные глаза. – У нас есть всего одна неделя. Я не хочу потратить ее впустую.

Если бы в тот момент на них не смотрела любопытная пожилая леди на другой стороне вагона, Джеймс сжал бы Хейзел в объятиях.

– Мне кажется, я могу рассказать тебе обо всем, – сказал он. – Думаю, я уже это сделал.

И правда, и ложь. Он не мог сказать ей, что чувствует на самом деле.

– Тогда почему ты еще меня не поцеловал?

Все ее тело напряглось, как будто достаточное напряже-

ние всех мышц позволило бы ей забрать эти слова обратно. Но Джеймс вмиг позабыл про назойливую старушку, обвинил руку вокруг Хейзел и притянул ее ближе.

– Не переживай, – сказал он. – Я и сам собирался тебя поцеловать.

Его лицо было в нескольких дюймах от нее. Девушка глухо вдохнула.

И ничего не произошло.

Если он пытался убить ее, отказывая в поцелуе, то у него определенно получалось.

Хейзел попыталась казаться безразличной:

– И сам собирался, да?

Джеймс очень серьезно кивнул, но в его глазах пробежал озорной огонек.

– Я жду подходящего момента, – сказал он. – С этим нельзя торопиться.

– Вообще-то, – возразила Хейзел, – можно и поторопиться, если очень хочется.

Он был так близко, что она могла рассмотреть текстуру его кожи и начинающую пробиваться щетину. Она видела его зубы – очень симпатичные – и очаровательные ямочки, когда он улыбнулся.

– Я поцелую вас, мисс Виндикотт, если вы позволите, – сказал Джеймс. – На перроне Черинг-кросс в следующую субботу. Как раз перед моим отъездом во Францию.

Я не была в восторге от этой идеи. Терпеть не могу про-

медлений.

А вот Хейзел это понравилось. Она засмеялась, и при виде ее улыбки Джеймс еле удержался, чтобы не отказаться от ожидания. Он прижался к ней щекой, прямо как в тот вечер, когда они танцевали.

– Я ценю, что ты предупредил меня заранее, – сказала девушка. – У меня будет шанс нарядиться для такого события.

– Ты навсегда запомнишь этот поцелуй, – ответил он. – Я об этом позабочусь.

Хейзел засмеялась ему в ухо.

– Только не забудь об этом обещании.

– Не забуду.

Она нехотя отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Просто из любопытства, – поинтересовалась девушка. – Почему именно в субботу? Чтобы мы выглядели как парочки на фотографиях из газет: солдат и его возлюбленная прощаются на перроне?

Джеймс покачал головой.

– Мне нужна причина для того, чтобы прийти на вокзал. Что-то, чего я ждал бы с нетерпением.

Хейзел не поняла, что произошло в тот момент, но она почувствовала это всеми фибрами своей души. Арес, ты был тем мужчиной, что сидел в ряду за ними. Война, пытающаяся разлучить их своими холодными руками.

– К тому же, – сказал Джеймс. – Если я поцелую тебя раньше, то могу вообще не сесть в поезд.

Афродита

Пытка – 25–26 ноября, 1917

Они попрощались. Это было пыткой.

Хейзел вернулась домой, где ее уже ждали родители. Это было пыткой.

Вместо того, чтобы злиться, они чувствовали себя преданными и разочарованными, что было намного хуже.

Джеймс вернулся домой и узнал, что ему пришла телеграмма.

Джеймс и Хейзел договорились встретиться на следующий день за ланчем. Ждать следующей встречи всю ночь и все утро было пыткой. Но это показалось мелочью, когда она прождала его в кафе до вечера, а он так и не пришел.

Это было мелочью, по сравнению с тем, какие мучения испытывал Джеймс, смотря на серое лондонское небо через окно поезда, направляющегося в Дувр. Совсем скоро он сядет на корабль, приплывет в Булонь-Сюр-Мер, а оттуда – поездом поедет в Этабль, где располагался тренировочный лагерь экспедиционных войск.

Это было сущей ерундой, по сравнению с отчаянием Хейзел, когда она получила письмо о том, что его призывают на службу раньше, чем планировалось. Премьер-министру Ллойд Джорджу и фельдмаршалу Хейгу требовалось срочно восполнить человеческие потери на фронте. И в военном

бюро решили, что Джеймс Олдридж подойдет для этой цели не хуже, чем все остальные.

Афродита

Первая ночь – 26 ноября, 1917

В ту ночь между Хейзел и Джеймсом возникла невидимая связь. Может, она не заметна в масштабе земного шара, но, соединяя влюбленные сердца, она может пересечь даже Атлантический океан.

Хейзел ходила по своей комнате из стороны в сторону, сжав фланелевую сорочку на груди. Она никак не могла согреться. С континента, из самой Франции, дул ледяной ветер. Он был достаточно холодным, чтобы девушка дрожала от холода в своей спальне, что уж говорить про солдата на корабле или в палатке.

Она видела фотографии и даже фильмы, где английские солдаты маршировали, строй за строем. Впечатляющее зрелище, прекрасный образчик дисциплины и единообразия. Хейзел дрожала от осознания, что теперь одно из этих неподвижных лиц принадлежит ее Джеймсу. Его живой ум и горячее сердце теперь заперты в этой клетке цвета хаки. Его теплое тело, высокое и изящное, стало мишенью для немецких пуль.

Она почувствовала бы хоть какое-то облегчение, если бы смогла разрыдаться. Выплакать все слезы и наконец заснуть. Это было лучше кома, застрывшего в горле, и свинцовой тяжести в желудке.

Хейзел ходила по комнате из стороны в сторону.

Пятница, суббота, воскресенье. Одни выходные. Только и всего. Целая жизнь, пролетевшая за три дня.

Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница и субботний поцелуй – все было украдено.

Если их сердца и души так переплелись за эти три дня – что произошло бы за неделю? О чем бы они успели поговорить? Какие общие воспоминания смогли бы создать? Что бы они смогли друг другу пообещать?

Неужели все, что произошло, было сном, который забывается наутро?

Хейзел упала на кровать.

«Прекрати это, – сказала она самой себе. – Ты так с ума сойдешь».

Девушка закрыла глаза и обхватила себя руками. Она мысленно перенеслась в Альберт-холл, в поезд, на прогулку, в кафе, на танцы. Лавровишневая вода и шерстяное пальто, гладко выбритые щеки и нежный, но твердый взгляд карих глаз. Темные волосы и ямочки на щеках. Тепло, которое разливалось по ее телу, ударяло в голову и рассыпалось мурашками по спине.

Все это было настоящим, хоть и новым для Хейзел.

Теперь это была ее война. Не только внешняя, но и внутренняя. Не просто сплетни заголовков в газетах.

– Боже, сохрани ему жизнь, – прошептала она.

Но помочь ей было не в моих силах.

Бедное дитя.

Джеймс пытался отвлечься от печальных мыслей, но это плохо ему удавалось. Он никак не мог включиться в разговор с другими солдатами. Вокруг него, на поезде и на корабле, молодые мужчины болтали и смеялись так беспечно, словно ехали на каникулы.

Джеймс не думал о том, куда направляется: все его мысли занимал тот факт, что он уезжает все дальше от Хейзел. Он покидал, и покидал, и покидал ее все больше.

Ночью они прибыли в лагерь и выпили теплого мясного бульона, а затем последовали за командиром к своим палаткам. Внутри было немногим теплее, чем снаружи, но брезентовые стены спасали от ветра, а сослуживцы, спящие на соседних койках, согревали воздух своим дыханием.

Джеймс сбросил с плеч свой вещмешок, снял сапоги и забрался под одеяло. Кажется, прошло очень много времени, прежде чем ему стало хоть немного теплее. В любом случае, он не мог заснуть.

«Идиот, – сказал он себе. – Ты должен был поцеловать ее, пока мог».

Вот именно. Но я не из тех, кто с укором восклицает: «Я же говорила!» Как вышло, что эта чудесная девушка, с ее смехом, остроумными замечаниями и очаровательными манерами, выбрала его, Джеймса Олдриджа? Почему она решила, что именно он должен держать ее за руки и смотреть, как ее длинные ресницы трепещут каждый раз, когда она от-

крывает и закрывает глаза?

Война стала причиной, по которой они встретились. А теперь она же их и разлучила.

«Война дает, и Война забирает. Да будет благословенна Война».

Их викарий точно не оценил бы такое богохульство. Джеймс все еще помнил похороны своего кузена Уилла. Во всех подробностях. Прах к праху, пепел к пеплу. Бог дает, и бог забирает...

– Боже, позволь мне вернуться к ней, – прошептал он. – Пожалуйста.

Вы можете спросить меня, как и многие до вас: почему ты позволила им встретиться прямо перед тем, как он отправился на фронт? Было ли это добротой или жестокостью? Разве боль потери не затмевает блаженство любви? Особенно в разгар войны, когда Смерть без усталости размахивает своей окровавленной косой. Вы скажете, что с моей стороны было жестоко позволить Джеймсу узнать Хейзел, когда в их распоряжении оставалось всего три дня.

Я не считаю это жестокостью.

И не собираюсь извиняться.

Антракт

5 декабря, 1917

Дорогая мисс Виндикотт,

Надеюсь, ты не против, что я пишу тебе без разрешения. Мне столько всего нужно тебе сказать. Ничто на свете, кроме военного суда, не заставило бы меня сесть на поезд. Если бы мне не нужно было отправляться на войну, я бы не встретил тебя. Если бы я не встретил тебя, я бы не скучал по тебе так сильно.

Я надеялся, что с моим строительным опытом меня возьмут в Корпус королевских инженеров, но вместо этого меня назначили в пехотную дивизию. Я здесь уже почти неделю. Тренировки не так ужасны, как я себе представлял. Тестирования позволяют мне занимать мысли, а маршировка помогает согреться. Спать в палатке крайне неудобно. Мы находимся в нескольких милях от фронта, но все равно слышим отзвуки выстрелов и днем, и ночью. Единственное приятное занятие – разговаривать с товарищами по отряду. Думаю, здесь я найду себе пару-тройку добрых друзей.

Целыми днями мы занимаемся строевой подготовкой и маршируем. Смотреть на то, как конвои привозят с фронта раненых, очень

тяжело. Среди новобранцев распространилась какая-то болезнь: время от времени кто-нибудь да сляжет с температурой и кашлем. Пока что я здоров и бодр.

Напиши мне в ответ, если захочешь, и расскажи о своей обычной жизни. Это поможет мне представлять мир за пределами нашего грязного лагеря. Расскажи мне о себе, о своем детстве, родителях, приключениях в школе и о том, чем ты занималась в свободное время. Мне кажется, что я хорошо тебя знаю, хотя на самом деле не знаю о тебе практически ничего, так что, пожалуйста, помоги мне восполнить эти пробелы. Расскажи мне, что ты любишь есть на завтрак, и какое имя выбрала бы для собаки.

*Твой друг,
Джеймс*

** * **

11 декабря, 1917

Дорогой Джеймс,

Я бы назвала собаку Перчинкой. Мне всегда хотелось собаку. Когда я была маленькой, я читала книгу про мальчика Вилли и его замечательную собаку по имени Скаут. Я всегда представляла, что участвую в его приключениях и Скаут спит у моей кровати. В детстве я практически всегда занималась на пианино, а в оставшееся время читала книги. Я всегда хотела

братика или сестричку.

На завтрак я люблю есть яйцо-пашот с тостами и апельсины, когда получается достать хотя бы парочку. Сейчас их так трудно найти. У вас в Челмсфорде так же строго ограничивают продукты?

Сейчас моя обычная жизнь в основном состоит из репетиций рождественского хора. Нужно отрепетировать много песен, и они позвали меня поучаствовать. Мне больше нравится аккомпанировать им на фортепиано, чем петь, но мне нужно отвлечься. Я не готовлюсь к прослушиванию в консерваторию так усердно, как должна, но мне не хочется жаловаться на свои занятия, пока ты спишь в палатке, маршируешь в грязи и ожидаешь отправки на фронт.

Но ты спросил про обычную жизнь, так что я ее описала.

Мама с папой наконец-то простили меня за то, что я не рассказала им о тебе. Мне так хочется, чтобы вы познакомились. У тебя есть фотография, которую ты мог бы прислать?

Мой папа, как ты уже знаешь, играет на пианино в вальсе, и ему жаль, что совсем не остается времени пойти на рыбалку. Ему очень нравятся каштаны. Моя мама пишет сентиментальные стихи и держит в комнате столько ароматизированных свечей, что папа начинает чихать, едва переступив порог. Ее руки совсем огрубели оттого, что она постоянно шьет рубахи

и нижнее белье, чтобы заработать немного денег. Каждый год, на Рождество, я дарю ей бутылочку ароматизированного лосьона для рук.

Они оба просто замечательные, и я их обожаю. Они всегда ставят мои интересы превыше всего, и я чувствую себя ужасным человеком, потому что мне так хочется сделать что-то вопиющее и скандальное хоть раз в жизни.

А что насчет тебя? Как бы ты назвал собаку? Что ты любишь есть на завтрак? Тебе нравятся кошки? Какая у тебя любимая книга? Если бы ты мог выбрать для пикника любое место на земле, что бы предпочел? Расскажи мне о своем брате и сестре. И о самом глупом поступке, который ты когда-либо совершал.

Твоя

Хейзел.

** * **

16 декабря, 1917

Дорогая Хейзел,

Самым глупым поступком было пригласить тебя на танец. Посмотри, что творится со мной теперь.

Я бы не назвал это серьезной литературой, но мне понравился «Тарзан – приемный обезьян». И еще «Книга джунглей» Киплинга. В школе я предпочитал «Макбета» «Юлию Цезарю».

Перчинка – хорошая кличка для собаки. Можно было бы завести вторую собаку и дать ей имя Соль. Кошки мне тоже нравятся, я бы назвал свою Имбирь или Мускат. Ну, в крайнем случае, Горчица.

Ты спрашивала про моих младших. Мегги пятнадцать, она все еще учится в школе и хочет стать машинисткой, но от стука печатной машинки у отца болит голова. Она постоянно жалуется на свои кудрявые волосы, но на нее всегда можно рассчитывать. Бобу тринадцать, он очень предприимчивый и упорный, а еще ему безумно нравится быть скаутом. Он проводит все свободное время в поле или в лесу со своим компасом и биноклем. Хорошо, что в Англии нет волков, а то Боба уже давно бы съели.

Я бы отправился на пикник туда, где очень жарко, в дикую природу. Может, в Конго или тропический лес Амазонки. Думаю, французская зима навевает такие мысли. Если бы на пикник заглянули африканские или южноамериканские муравьи, они бы, наверное, предпочли съесть меня, а не холодные сэндвичи.

Моя очередь задавать вопросы. Какая у тебя любимая книга? Расскажи про своих друзей и преподавателя по фортепиано. Если бы у тебя был маленький домик с садом, что бы ты там посадила? И если бы ты собралась делать что-то вопиющее и скандальное – что бы это было?

Твои письма приносят мне столько радости,

словами не описать. Пожалуйста, не останавливайся.

Твой

Джеймс

*** * ***

23 декабря, 1917

Дорогой Джеймс,

Спасибо тебе за фотографию. Моей маме ты очень понравился, а папа сказал: «Хм!»

Книги: «Эвелина» Фанни Берни, «Север и Юг» Элизабет Гаскелл, «Грозовой перевал» Эмили Бронте.

Мои дорогие подруги – Джорджия Фэйк и Оливия Дженкинс. Мы вместе ходили в школу и дружим с детства. Они живут здесь, в Попларе. Джорджия очень смешливая, умеет постоять за себя и разбирается буквально во всем. Она работает волонтером в местном солдатском госпитале и планирует стать медсестрой. Оливия – ее полная противоположность. Мягкая и нежная. Она такая добрая и сострадательная, и мне кажется странным, что именно Джорджия хочет быть медсестрой. Оливия могла бы дарить больным надежду и успокоение. С другой стороны, Джорджия умеет сохранять ясный рассудок, когда кому-нибудь отпиливают руку. Может, ее закалили все те издевательства, которые ей пришлось пережить из-

за фамилии – Фэйк¹². Оливия уже обручена с парнем, который сейчас на фронте. Мне сложно это осознать. Кажется, еще вчера мы ходили на школьные чаепития в нарядных платьях.

Мой преподаватель по фортепиано просто замечательный, но при этом – настоящий тиран. Месье Гийом. Ему шестьдесят лет. Он занимается со мной с того момента, как мне исполнилось одиннадцать. Я знаю, что он меня любит, как и все учителя, и я тоже его люблю. Поэтому мне так больно видеть, как он во мне разочарован. Я никогда не оправдаю его ожидания. Война очень плохо повлияла на месье Гийома: ему тяжело видеть, как гансы¹³ разрывают на части его родную Францию.

В своем саду я бы посадила нарциссы и тюльпаны всех цветов. А еще герань, чтобы поднять себе настроение, и ирисы с люпинами, чтобы они раскачивались на ветру. О, из-за тебя мне пришлось представить себе эту картину во всех красках. Как я смогу быть счастливой, если у меня никогда не появится маленького домика с садом? В Лондоне он бы стоил целое состояние. Даже в Попларе.

Что вопиющее и скандальное? Я уже над этим работаю. После того, как ты уехал, я подала заявку и теперь стану секретарем по культурно-развлекательному досугу в Юношеской христианской

¹² Фамилия Джорджии переводится как «подделка» или «фальшивка».

¹³ Ганс – презрительная кличка для немецких солдат, которая часто использовалась во время Первой мировой войны.

ассоциации, во Франции. Буду играть на пианино для солдат, тоскующих по родине. Родители умоляли меня заняться этим здесь, в Лондоне, но я хочу отправиться туда, где солдаты действительно нуждаются в том, чтобы отвлечься от войны. Я боюсь выступать, но этот страх не может быть сильнее того, что испытывают солдаты на поле боя. Гораздо лучше развеивать скорбь солдат, чем развлекать пожилых дам из нашего прихода. Я отправлюсь туда после Нового года. Мои родители уверены, что из-за этого я никогда не поступлю в консерваторию, но если Европа падет перед Германией – какая разница?

Уверена, тебе не терпится закончить тренировки, но я очень рада, что ты в безопасности от немецких пуль. Береги себя и одевайся теплее. Расскажи мне о своих сослуживцах. И нравится ли тебе рыбалка. Если нравится – папа будет счастлив.

Счастливого тебе Рождества. От мысли, что ты проведешь его в холодной палатке, у меня разбивается сердце. И все же, пусть этот день будет для тебя праздничным.

Искренне твоя,

Хейзел.

Акт второй

Аполлон

«Я хочу быть готов» – 3 января, 1918

Третье января, 1918 года, два часа утра. Тридцать градусов ниже нуля.

Спасаясь от холода, Обри Эдвардс и сорок других солдат из пятнадцатого полка закопались в сено, разбросанное по вагону для перевозки скота. Через час после того, как отряд сошел с трапа американского лайнера «Покахонтас», они сели на поезд в Бресте и уехали в темную, заснеженную ночь.

Замерзшие, уставшие и изголодавшиеся, они думали, что направляются на фронт и уже к утру окажутся в пылу сражений. Даже поле боя казалось более привлекательным, чем их холодный вагон.

Колеса локомотива стучали по заледеневшим рельсам. Этот мерный ритм мог бы убаюкать изможденных солдат, если бы не чертовски холодный воздух. Они не слышали ни свистка, ни других привычных сигналов, которые ожидаешь услышать на железной дороге. Во время войны даже поезда хранят секреты.

Гарлем и дом остались далеко позади. Увидит ли он своих

родителей снова? Попробует ли фирменный куриный пирог матери? Почувствует ли сладкий запах отцовской трубки? Обри снова хотелось услышать, как Кейт расхваливает его музыкальный талант перед своим сонным парнем Лестером за семейным ужином.

В день отплытия «Покахонтас» его отец пораньше вернулся с лакокрасочного завода, чтобы попрощаться с единственным сыном.

– Ты – достойный и гордый молодой человек, слышишь меня, Обри? – сказал он. – Этого у тебя не отнять.

Так ли это? Обри вспомнил Спартанберг. Разве те злобные продавцы и фермеры не сделали все возможное, чтобы лишить его достоинства?

– И всегда будь настороже, – предупредил отец. – На войне может случиться все, что угодно, но у того, кто держит ухо востро, больше шансов избежать опасности, – он сжал Обри в крепких объятиях. – Поставь этих немцев на место и возвращайся к нам.

Обри все еще ощущал, как усы отца щекочут щеку, а от его одежды пахнет краской.

Он достал руки из карманов и подул на них, но его дыхание стало ледяным прежде, чем достигло ладоней. Тогда он засунул их под майку. Пианист не может рисковать своими руками.

Может ли он все еще считать себя пианистом? Все остальные музыканты могли просто убрать свои инструменты в че-

хол и взять их с собой – но не Обри. Пианист должен играть, иначе его пальцы потеряют подвижность. А Лаки Роберт, будь он неладен, всегда получал фортепианную партию.

Группа две недели играла на борту корабля. Гимны, рождественские песни и джазовые импровизации на патриотические мелодии. «Марсельеза», и «Типперери», и «Собери свои проблемы», и «Где-то там». Но только днем. Чтобы остаться незамеченными, ровно в четыре часа вечера на корабле выключали весь свет. В любом случае, на старом лайнере «Покахонтас» не было пианино, так что Обри стал третьим барабанщиком. Прибыв в Брест, они устроили импровизированный концерт в парке. Обри играл на кастаньетах.

Французы устроили пятнадцатому полку теплый прием и остались в восторге от их джазовых импровизаций, но уже очень скоро голодным и уставшим солдатам пришлось сесть на поезд до следующей остановки.

Вдруг в темноте вагона для скота раздался голос. Он запел тихим, мягким баритоном:

Я ХОЧУ БЫТЬ ГОТОВ, Я ХОЧУ БЫТЬ ГОТОВ...

Остальные солдаты подняли головы и напрягли слух.

Я ХОЧУ БЫТЬ ГОТОВ, ГОСПОДЬ...

К нему присоединился еще один голос.

ВОЙТИ В ИЕРУСАЛИМ, КАК ИОАНН...

– О, да спите вы уже, – буркнул кто-то в дальнем углу.

Но было уже поздно. К поющим присоединился глубокий бас, а затем высокий тенор. Когда они дошли до слова «Иерусалим», кто-то начал выстукивать ритм по железной стене вагона. Тут и там раздавались усталые смешки, а квартет решительно набирал темп.

О, ИОАНН, О, ИОАНН, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?
Я ЗАХОЖУ В ИЕРУСАЛИМ, КАК ИОАНН.

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ТАМ В ДЕНЬ КОРОНАЦИИ.
Я ЗАХОЖУ В ИЕРУСАЛИМ, КАК ИОАНН.

О, Я ХОЧУ БЫТЬ ГОТОВ, Я ХОЧУ БЫТЬ ГОТОВ...

Теперь к песне присоединились все. Направляясь на фронт в промерзшем вагоне, Обри чувствовал, как в животе теплеет, а по лицу расползается улыбка. Здесь его ребята, с которыми они прошли через многое. Что бы ни случилось – они будут петь.

Афродита

Хижина досуга – 4 января, 1918

Хейзел прибыла во французский город Сен-Назер утром четвертого января 1918 года.

Девушка не могла поверить, что это и в самом деле происходит. Всю свою жизнь она была укрыта заботливым родительским крылом, а теперь смотрела на то, как над холодными полями береговой Франции поднимается солнце. Розовое небо дарило надежду, а солнце золотило сковавший мир лед. Трудно было поверить, что этот изумительный рассвет озаряет землю, обескровленную годами войны, и что совсем скоро она встретится с тысячами солдат, которые нуждаются в утешении и успокоении.

Хейзел никогда не успокаивала даже собаку. Может, она совершила огромную ошибку, приехав сюда?

Поезд остановился на станции Сен-Назера. Хейзел встала со своего места и начала собирать вещи.

Когда поезд тронулся, на платформе осталось четыре человека. Молодая женщина с густыми светлыми кудрями и трое мужчин среднего возраста. Хейзел разглядела форму под пальто светловолосой девушки и обратилась к ней с вопросом:

– Извините, вы волонтер Юношеской христианской организации?

Лицо незнакомки посветлело.

– Да, – ответила она. – Вы тоже?

Хейзел кивнула.

– Как и я, – вставил один из мужчин. – Простите, что влез в ваш разговор.

– Я тоже, – сказали двое других.

– Приветствую. Добро пожаловать в Сен-Назер, – проворная пожилая женщина в узких очках спрыгнула с повозки и обратилась к прибывшим. – Значит, все здесь из христианской организации? – Она жестом приказала двум солдатам погрузить весь багаж в повозку. – Я – миссис Дэвис. Я работаю с мистером Уоллесом, главным секретарем. Идем, должно быть, вы проголодались.

После краткого знакомства пятеро прибывших забрались в повозку и сели на свои чемоданы. Миссис Дэвис подняла поводья, и лошади неспешно затрусили по направлению к лагерю. Курицы, бродившие вдоль дороги, с кудахтаньем уворачивались от лошадиных копыт, оставляя после себя тучи перьев.

Хейзел увидела вдалеке их лагерь, и ее сердце ушло в пятки. Он был таким серым и грязным. «А чего ты ожидала?» Она ведь хотела привнести немного радости в эти унылые пустоши.

Бесчисленные ряды солдат маршировали по промерзшей земле с ружьями на плечах. Большинство из них смотрело прямо перед собой, но некоторые любопытные повернули го-

ловы вслед проезжающей повозке. Кто-то встречался с ней взглядом – дерзким и вызывающим, у других на лицах отпечаталось скорбное одиночество. Прозвучал громкий голос командира, и все отвернулись.

Джеймс. Вечером она напишет ему еще одно письмо. Может, она писала ему слишком часто? Слишком много?

– Это не британские солдаты, – удивленно сказала блондинка. – У них другая форма.

– Британские? Святые угодники! – миссис Дэвис резко повернулась к девушкам. – Разве они не сказали, куда вас отправляют?

Хейзел съежилась от ее громкого голоса.

– В тренировочный лагерь Сен-Назера.

– В американский тренировочный лагерь Сен-Назера, – воскликнула миссис Дэвис. – Главное управление обязательно об этом узнает. Не сообщать волонтерам, куда их направляют! Это преступление!

– По ним видно, что они американцы, – светловолосая девушка вытянула шею. – Они просто огромные.

– Да, янки высокие, – признала миссис Дэвис. – К тому же, эти ребята провели последние четыре года, поедая домашние обеды своих матерей, а не замерзая в окопах. Поэтому они такие здоровые.

Она продолжила экскурсию по лагерю.

– Здания, стоящие рядами – это бараки. А вон там – столовая. Здесь есть конюшни и загон для скота: этот неприят-

ный запах стоит из-за свиней. Вот тут наш госпиталь, а там, впереди – хижина досуга.

Хейзел представляла себе маленькое и простое здание, но местная хижина досуга оказалась огромной. Еще бы, ведь в лагере находились десятки тысяч солдат.

Миссис Дэвис провела их внутрь, где уже был накрыт стол к чаю.

– Напомните мне свои имена, – сказала она, жуя рулет. – В таком холоде я плохо соображаю.

– Я – Реверенд Скоттсбридж, а этот джентльмен – отец Мак-Найт из римско-католической церкви, – объяснил полный церковнослужитель. – Мы прибыли для того, чтобы предложить духовное утешение, да, отец?

– Если будет на то божья воля, – ответил священник.

Низкий, худой мужчина в выцветшем твидовом костюме протер очки карманным платком.

– Я – Горас Генри, – представился он. – Профессор на пенсии. Колледж Святого Иоанна.

– А! Кембридж! – воскликнул Реверенд Скоттсбридж. – Все лучшее для наших парней, – он подмигнул. – Даже если они прибыли из колоний.

Профессор сделал глоток чая.

– Они все «наши парни», – сказал он. – Даже американцы. Вечером я прочитаю им лекцию и, пожалуй, начну с курса английской истории.

– Вряд ли американцев это заинтересует, – заметила блон-

динка.

– Скоро узнаем, – мягко ответил профессор Генри.

– Поверьте, – сказала миссис Дэвис. – После долгого дня на плацу и в траншеях эти парни будут рады послушать даже лекцию о том, как сварить яйцо.

Профессор усмехнулся.

– Надеюсь, я придумаю что-нибудь получше.

В глазах отца Мак-Найта сверкнул задорный огонек.

– Сомневаюсь, что мы будем так же популярны, как эти юные леди.

Хейзел улыбнулась.

– Я – Хейзел Виндикотт, – сказала она. – Я буду играть на пианино.

Миссис Дэвис бросила на нее строгий взгляд.

– Ты хорошо играешь?

– Думаю, да, – ответила Хейзел. – Но я полагаю, это зависит от того, что вы подразумеваете под «хорошей игрой».

Другая девушка рассмеялась.

– Элен Фрэнсис, – сказала она. – У меня нет никакого определенного таланта, кроме способности заговорить кого угодно, – Элен подмигнула Хейзел. – Ты играешь на пианино, а я – в шашки.

Миссис Дэвис начала убирать со стола.

– Джентльмены, для вас есть свободный дом в поселении, недалеко отсюда. Вы, юные леди, займете пустующую комнату здесь – так будет безопаснее. Мы с мисс Рутгерс всегда

будем по соседству. Мы бы поселили вас в общежитии для медсестер, но оно и так переполнено. К тому же, вам не придется бродить по лагерю после наступления темноты.

– Здесь много хижин досуга? – спросила Элен Фрэнсис.

– Две, – ответила миссис Дэвис. – Одна из них предназначена для черных: она находится в лагере Лузитания. Вам не нужно туда ходить.

В комнате повисла неловкая тишина.

– У них есть свои, цветные волонтеры, – объяснила миссис Дэвис. – Так что все в порядке. Уверена, они знают, чем развлечь солдат.

Отец Мак-Найт склонил лысеющую голову набок.

– О чем вы так переживаете, миссис Дэвис?

Она отмахнулась от этого неподобающего вопроса, как от назойливой мухи.

– В первую очередь, о безопасности девушек. В лагере полно молодых, импульсивных солдат, поэтому все мы должны следовать строгим правилам. Юношеской христианской организации совершенно не нужен скандал, особенно когда мы занимаемся такой важной работой.

Хейзел вспомнила слова своего отца. «Будь смелее меня».

– Я была бы не против играть во всех хижинах досуга, – сказала она. – Уверена, что черные солдаты тоже любят музыку.

Миссис Дэвис бросила на Хейзел укоряющий взгляд из-под очков.

– В этом нет необходимости, – она попробовала изобразить примирительную улыбку. – Эти американские негры и сами могут играть на инструментах. У них это в крови. Кстати говоря, завтра их группа выступит здесь. Думаю, вы сами убедитесь в том, что ваша более изысканная манера игры не придется им по душе.

Сердце Хейзел билось так быстро, что его стук раздавался у нее в ушах.

– Я думала, все солдаты нуждаются в развлечении.

Миссис Дэвис вздохнула и закатила глаза.

– Молодые идеалисты. Только такие и рвутся на войну, – пробормотала она и строго посмотрела на Хейзел. – Я не люблю использовать такой язык, мисс Виндикотт, но вы не оставляете мне выбора. От негров нельзя ожидать джентльменского поведения. Особенно по отношению к юным леди.

Хейзел никогда не любила спорить со старшими. Вызвать неприязнь миссис Дэвис в первый же день было бы очень глупо, но она должна была что-то сделать.

– Возможно, вы правы насчет некоторых из них, – сказала она. – Но в любой группе солдат найдется несколько человек с недостойным поведением. Я уверена, что большая часть – настоящие джентльмены, не хуже других.

Реверенд Скоттсбридж закашлялся, чтобы скрыть смех.

– Дорогая, у вас слишком мало опыта, чтобы распознать опасность, – он многозначительно кивнул миссис Дэвис. – Здесь полно гораздо более привлекательных молодых сол-

дат, которые захотят послушать вашу игру.

Хейзел почувствовала, что ее тошнит. Значит, черные солдаты не такие привлекательные? И каким образом это вообще должно было ее убедить? Реверенд решил, что она приехала сюда ради симпатичных парней. В ней начала закипать злость.

Отец Мак-Найт бросил на Хейзел сочувствующий взгляд и закрыл глаза, словно молился.

Очевидно, миссис Дэвис не собиралась продолжать спор.
– Прошу сюда, девушки. Вот ваша комната.

Декабрь 1942

Второй свидетель

Афродита обращается к судье:

– Ваша честь, я бы хотела пригласить второго свидетеля.

– Только не это, – стонет Арес. – Сколько еще бессмертных ты собираешься сюда притащить? Легче было бы сразу отправиться на Олимп. И я думал, что мы уже прекратили играть в суд.

– Возражение отклонено, – говорит Гефест. – Защита может продолжать.

– Я вызываю, – Афродита делает театральную паузу, – Ареса, бога войны.

Арес садится и выпрямляет спину, просовывая руки в рукава рубашки. Нет никакого смысла застегивать пуговицы и прятать его восхитительный торс. Обычно Арес предпочитает выставлять все свои лучшие стороны напоказ, но выступление в суде требует подходящего внешнего вида.

У Гефеста нет судебного исполнителя, поэтому ему приходится зачитать клятву самостоятельно:

– Вы клянетесь умерить свое хвастовство, рассказывать факты, и только факты, а в противном случае – держать свой поганый рот на замке?

– Эй, – возмущается Арес. – В клятве для Аполлона не было ругательств.

– Это потому, что я рос вместе с тобой, – мрачно говорит Гефест.

– Арес, – успокаивает его Афродита. – Он обижен на тебя, только и всего. Почему бы тебе не поведать нам свою точку зрения на эту историю?

Арес поднимается и обращается к суду:

– Я не хочу делать этого ради него, – говорит бог войны. – Но раз уж ты настаиваешь, я расскажу вам историю. Хотя бы для того, чтобы разбавить твою слащавую мелодраму.

Арес

Тренировка по штыковому бою – 4 января, 1918

Рядовой Джеймс Олдридж и его отряд выстроились в ровную линию на тренировочной площадке, чтобы начать подготовку по штыковому бою. Они находились в нескольких милях от траншей, и Джеймс никак не мог привыкнуть к постоянному реву артиллерийского обстрела.

– Закрепить штыки! – рявкнул командир, и Джеймс привинтил лезвие к своей винтовке «Ли-Энфилд».

– Встать на позицию!

Джеймс быстро поднял винтовку левой рукой и обхватил ее правой, прицеливаясь концом лезвия в горло воображаемому немцу.

– Олдридж, – сказал кто-то. – Разведи ноги шире.

Это был рядовой Фрэнк Мэйсон – рыбак из Лоустофта. Недавно он восстановился после ранения в ногу и теперь проходил переподготовку.

Их командир ходил вдоль рядов, поправляя тех, кто неверно встал в позицию.

– Исходное положение!

Осунувшись от усталости, солдаты опустили винтовочные штыки.

– Приказа засыпать не было, солдат!

Высокий и крепкий рядовой Билли Натли – фермерский парень из Шропшира – мог бы стать опасным бойцом, но больше походил на огромную мишень.

– В позицию!

Штыки поднялись вверх.

– Цельтесь им в горло, дамочки! – лицо командира было красным. – На поле боя либо убиваешь ты, либо убивают тебя. Немцы не знают пощады. Цельтесь в горло!

Джеймс облизал губы и прицелился в невидимое горло.

– Выпад!

Солдаты выбросили штыки вперед и прочертили ими невидимую линию.

– Сделали выпад – провернули лезвие! Вытащите их кишки наружу!

Джеймс делал выпад и проворачивал лезвие. Возвращался в исходное положение и начинал снова. Позади него то же самое делал жилистый уэльский парнишка Чад Браунинг.

– Горло и подмышки – крайне уязвимые места, – рявкнул их командир. – Лицо, грудь, живот! Если нападаете со спины – цельтесь в почки. Или вы, гении, забыли, где находятся почки? Исходное положение!

Исходное положение.

Командир расхаживал вдоль рядов.

– Теперь найдите себе чучело.

Они подошли к покосившимся деревянным виселицам,

на которых болтались соломенные чучела, изображавшие немецких солдат.

– Немецкий солдат – это безжалостная машина для убийств, – сказал командир. – Смертельное оружие в руках кайзера. Разница между его вспоротым брюхом и вашим перерезанным горлом – доля секунды.

Джеймс коснулся своей шеи.

– Выживание на фронте, – крикнул командир, – зависит от вашей готовности убивать! В позицию!

Штыки наготове.

– Строевая стойка!

Винтовки поднялись вертикально вверх.

– Позиция!

Наготове.

– Выпад!

Удар штыком прямо в чучело.

– Позиция!

Все сначала.

– Выпад! Поворот! Убей, убей, убей! Повторяйте!

Джеймс тяжело сглотнул.

– Убей, убей, убей!

– Не так, жалкие тряпки! Они вами пол вытрут!

– Убей, убей, убей!

Джеймс убеждал себя произнести это вслух. Просто сделать то, что от него хотели. Он совершил очередной выпад в сторону соломенного фрица, изображая безжалостную ма-

шину для убийств. Словно он смертельное оружие в руках короля Георга.

– Исходное положение. Снять штыки. Завтра будем тренировать рукопашный бой.

Они направились обратно в свои бараки. Из столовой доносился сомнительный запах, но Джеймс так проголодался, что был готов есть даже консервы.

Вдруг рядовой Чад Браунинг запел своим высоким, гнусавым голосом:

АХ, АХ, АХ, ЧТО ЗА ЧУДЕСНАЯ ВОЙНА!
КТО Б НЕ ХОТЕЛ СОЛДАТОМ СТАТЬ?
ДАЖЕ ЖАЛКО ПЛАТУ БРАТЬ...

– Какую плату? – пробормотал Натли. – Мы-то вряд ли ее получим.

ПО ГОРЛО В ГРЯЗИ – ТОЛЬКО ГОЛОВУ ВИДНО,
И СЛОВЕЧКИ ТАКИЕ, ЧТО СЕРЖАНТУ УЖ
СТЫДНО.
КТО Б НЕ ХОТЕЛ СОЛДАТОМ СТАТЬ?
МЫ ВСЕ ХОТИМ ЭТО УЗНАТЬ!

– Кто-нибудь тебя услышит, Браунинг, – предупредил кривоногий Мик Веббер – каменщик из Ратленда. – Ты что, хочешь провести ночь на гауптвахте?

АХ, АХ, АХ, ЧТО ЗА ЧУДЕСНАЯ ВОЙНА!
ЯЙЦА С БЕКОНОМ МЫ ЕСТЬ НЕ БУДЕМ —
СЛИВОВО-ЯБЛОЧНЫЙ ДЖЕМ В ДВА СЧЕТА
ДОБУДЕМ...¹⁴

¹⁴ Сливово-яблочный джем — калорийные и сытные консервы, широко распространенные в Англии во время Первой мировой войны, которые являлись частью армейского пайка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.